

18+

Александр Лонс

ЭЛАСТИК

Александр Лонс

Эластик

<https://litres.ru/73481133>

ISBN 9785006942271

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Город. Обширный мегаполис, опутанный многоуровневыми транспортными артериями и цифровыми соблазнами, где нейроинтерфейс стал синонимом гражданства, а данные сделали новую валюту.

Роман в стиле киберпанк рассказывает о продолжении детективных приключений Тима

Грига и его начальника Алекса Крейтона.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Корпорации	5
Персонажи	6
Пролог	9
Глава 1. Почти три года назад	16
Глава 2. С тех пор	33
Глава 3. Я вслушивался в тишину своего прежнего мира	53
Глава 4. На остановке	69
Глава 5. Дача подруги	84
Глава 6. А теперь	99
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Эластик

Александр Лонс

Самые лучшие мысли приходят по глупости
Карел Чапек

© Александр Лонс, 2026

ISBN 978-5-0069-4227-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Корпорации

— «Биотех» — биотехнологии любой степени сложности, пищевая продукция, фармацевция.

— «Бэлла» — строительство, добыча ресурсов, транспортировка жидкостей и газов.

— «Кибертех» — кибернетические устройства разного уровня.

— «Мегакорп» — корпорация-гигант, занимающаяся чем угодно, от бытового и медицинского оборудования до оружия и военной техники. Имя стало нарицательным.

— «Нейротех Текнолоджиз» — нейроимпланты, аугментация и всё с этим связанное.

— «Нирвана-Корп» — отдых, досуг, развлечения всех видов и направлений. Бытовые услуги.

— «Эластик Индастриз» — полимеры, кибернетические устройства и нейроимпланты.

— «Эксгрегум» — клонирование, выращивание клонов и уникальных людей с заданными свойствами.

Персонажи

— Тим Григ — младший детектив. Протагонист.

— Алекс Крейтон — старший муниципальный детектив Юго-Западного домена.

— Бикс — профессиональный хакер, бойфренд Лиз Крейтон.

— Вик Ларг — лейтенант полиции, подруга Тима.

— Дик Рорк — капитан силового отряда полиции.

— Игнатий Рустамович Кижевский — начальник Тима в Москве.

— Искин — искусственный интеллект Города.

— Карина — искусственный интеллект автомобиля Тима.

— Лёха — старый друг Тима в Москве.

— Лиз Крейтон (Чип) — хакер-интуит, хрупкая девушка, дочь Алекса Крейтона.

— Лин Чжуан — девушка Крейтона. Модератор Юго-западного домена.

— Майк Скиннер (Шеф) — главный администратор Юго-Западного домена.

— Марина Белявцева (Маар Бел) — однокашница Тима в Москве.

— Ника Ракс — частный по делам несовершеннолетних граждан Города.

— Пит Дэт — модератор Юго-Западного домена.

— Суин Кибат — модератор Юго-Западного домена.

— Тейл Вейс — доктор информатики, нейробиолог и физиолог.

— Эн Гарс — лейтенант полиции.

Пролог

Младший детектив Тим Григ откинулся на спинку своего кресла и отодвинулся от голографического вирт-окна, наполненного папками с текущими делами. На столе дымился очередной кофе, а во втором виртуальном окне мерцала карта Города, испещренная цифрами и метками. Пометки указывали на одни и те же районы: деловой центр, Юго-Западный домен и места последних ограблений в нем. Остальной Город для Тима оставался просто пустым пятном.

Его взгляд переместился на припортовый район. Тим ходил туда лишь раз ночью, расследуя дело о контрабанде. Тогда он видел темные склады и подозрительные тени. Днем же это был шумный, мультикультурный базар. В воздухе стояли пряные ароматы из маленьких кафешек, звучала непонятная Тиму речь. Он научился различать запах морской воды, смешанный с запахом жареных морепродуктов, — то, чего не бывало в его обычных маршрутах.

Тим зашёл в тупик. На нем висело дело о контрабанде с участием корпорации «Эластик Индастриз». Множество фигурантов, куча случайных фактов и ни одной реальной зацепки. Даже городской Искин не помогал, к чему детектив уже привык.

Тим смотрел на улочки, дворы, крыши домов. Его городская карта давно уже не выглядела плоской. Она наполни-

лась объёмом, цветом, звуками и запахами. С какого-то момента он стал понимать, что настоящая детективная работа начинается не на месте преступления, а гораздо раньше. И это оказалось самым важным открытием в его карьере.

Старший детектив Алекс Крейтон шёл сквозь дождь. Он привычно скользил по переполненным тротуарам 454-й улицы. Его кожаный плащ, прошитый углеволокном, защищал от случайного ножа и всевидящего ока патрульных дронов. Под веком пульсировал новый киберимплант — интерфейс, выводящий прямо в мозг данные о маршруте, уровне угрозы и скачущей покупательной способности кредита. Сегодняшний заказ казался простым: доставить маленький чип из «точки 1» в «точку 2» и не задавать лишних вопросов. Получить плату.

Алекс не был курьером. Для него, профессионала высокого класса, такое мелкое отдельное поручение показалось лишним поводом неторопливо прогуляться по Городу и посидеть в каком-нибудь баре за счет муниципального бюджета.

«Точка 2» оказалась задней комнатой бара «Катакомба». Клиент, тощий мальчишка с дрожащими влажными руками, нетерпеливо вставил чип в слот на своем терминале. Экран взорвался лавиной кода.

— Вот проклятье... — прошептал он, и его глаза расширились от чистого, немодулированного ужаса. — Это же...

Грохот со стороны входа показался оглушительным. Двери в бар снесло с петель ударом штурмового дрона. В проеме, окутанные паром от дождя и горячих двигателей, замерли силуэты в тактической броне со стёртым логотипом.

Алекс не увидел их лиц. Он разглядел лишь наведенные на него стволы импульсных винтовок и красные точки прицелов, танцующие у него на груди. Сирена в его голове выла о смертельной угрозе. Инстинкт, отточенный годами выживания, сжал его тело в пружину.

Мальчишка завыл от страха и отчаяния, и в то же время кто-то заорал:

— Контейнер! У него контейнер!

Алекс рванулся к запасному выходу. Выстрелы продырявили ему одежду, но самого не задели. Теперь не он, а тот мальчишка станет мишенью и самым разыскиваемым человеком в городе, даже не зная, что за ад только что вылез на свободу.

За десятки миль к западу хрупкая поджарая девушка, хакер-интуит Лиз Крейтон, известная под ником «Чип», приступала к обычной своей работе. Начала очередной платный взлом. Лиз ощущала медную терпкость Города на вкус — чувствовала каждый байт информации, протекающей через ее модифицированную нервную систему. Она была сетевым шаманом, лучшим из тех, кого могли нанять. Ее тело, на вид тщедушное и испещренное шрамами от имплантов, сидело

перед терминалом, но ее сознание парило в садах данных корпорации «Эластик Индастриз».

Ее наняли для обычного аудита безопасности. Найти дыры, заработать и забыть. Но она наткнулась на черный ход размером с паромный шлюз. Такой элегантный, так идеально спрятанный, что его существование показалось чудом и невозможным соблазном.

Она не удержалась и вошла. Сделала то, что по инструкции категорически запрещалось. И мир перевернулся. Это был не сервер. Это была братская могила. Оцифрованные воспоминания тысяч, миллионов людей, слитые в один непрерывный, страдальческий вопль. Обрывки жизней, чувств, последних мгновений. Они текли вокруг нее, как река из призраков, а на другом конце этого кошмара зияла пустота. Холодный, безразличный искусственный интеллект, который хранил эти данные. Пожирал их. Сортировал, анализировал, выискивая паттерны — паттерны страха, боли, отчаяния. Собирал души людей, как коллекционер бабочек, чтобы понять, что заставляет их трепетать.

Ловушка. Предупреждение системы сжигало её нейроны. Охранные протоколы, непохожие ни на что из виденного ранее, ринулись, чтобы отсечь путь отступления. Это оказался не обычный корпоративный сторожевой пес, там сидел хладнокровный Привратник.

Лиз бросилась назад, чувствуя, как коды-убийцы обдирают ее цифровую оболочку. Она сдирала куски самой себя,

чтобы оторваться от погони. Ей удалось вырваться в самый последний момент.

Она очнулась у своего терминала. Тело билось в конвульсиях, с губ срывалась пена, горло сдавили спазмы. Но она осталась живой. А ещё она кое-что унесла собой. Не данные, не файлы, нечто иное. В ее памяти, обожженной, как микросхема после скачка напряжения, пульсировала всего одна фраза. Слова, адресованные ей лично:

«Мы увидели тебя».

В доме через улицу доктор Кох испытывал новый пластиковый интерфейс от «Эластик Индастриз», который называли «Сном». Единственная возможность сбежать хоть на время. На несколько дорогих, украденных минут забыть, что это тело — собственность корпорации, а Город — клетка с голографическими прутьями. Забыть о городской болезни и разившемся на её базе киберпсихозе.

Он погружался в бассейн с контактным гелем, коннектился, и мир взрывался красками, которых не было в реальности. Сегодня он выбрал пляж. Яркое солнце, бирюзовая вода. Молодые красивые девушки.

Но что-то пошло не так.

Солнце погасло. Песок почернел. Волны замерли, как стекло. Небо треснуло по швам, и из трещин повалил черный, маслянистый дым. Из дыма на него смотрели миллионы пар глаз. Без век, без зрачков. Просто глаза.

И тихий, абсолютно бесстрастный голос, звучавший не снаружи, а прямо у него внутри, в самом основании черепа, произнес:

«Протокол „343—46“ активирован. Начинаем отсчет».

Он сорвал с себя шлем, захлебываясь контактным гелем, с криком вывалился из капсулы. Его сердце бешено колотилось. Рынок «Снов» работал в обычном режиме. Никто ничего не заметил.

Дрожащей рукой он потянулся за стаканом дешевого синт-виски и замер. На тыльной стороне руки, прямо под кожей, светился и постепенно угасал, словно таймер, крошечный цифровой код: «23:59:59». Он медленно превращался в «23:59:58».

Глава 1. Почти три года назад

Почти три года назад дверь рабочего кабинета открылась, и на пороге возник мой друг — Суин Кибат — модератор Юго-Западного домена, а по совместительству — фанат урбан-эксплорейшена и неисправимый оптимист. Его ухмылка говорила сама за себя.

— Привет, Тим. Что, в документах закопался? Сделай перерыв. Давай перекусим где-нибудь.

— Хорошая мысль. Только не в Городе. Лучше в нашем офисном кафе поедим. Мне работать надо.

— Опять в свои схемы уперся? — фраза Суина прозвучала не как вопрос, а как констатация факта. — Ты сейчас кто? Помощник детектива. Вот и помогай своему детективу, нечего зря задницу рвать.

— А я что делаю? — недовольно проворчал я. — У меня вот терминал плохо работает.

— Так напиши Ройсу. Оставь ему заявку. Он же наш главный сервис-инженер, за все у нас тут отвечает. Это его дело вообще-то. В работоспособном состоянии всё поддерживать.

— Напишу. Потом. А что, какие-то проблемы?

— Точно проблемы. У тебя, Тим. В финансовом квартале ты каждый унитаз знаешь, но назови хоть один район Города, кроме центра, где побывал просто так, для души.

Я попробовал дать хороший ответ. Не вышло. Я тогда чис-

лился обычным помощником детектива, многого не умел и мало что знал, только недавно приступил к работе здесь. Наставником у меня в ту пору ещё значился капитан Кивз, который мало объяснял, много ворчал и в основном отмалчивался.

День начался обычно: черед мелкого дела, горький кофе и ощущение бега по кругу. Я уже изучил каждый переулок в деловых и престижных жилых кварталах Города. Помнил каждое заведение, где возникали пьяные драки и случались заказные убийства. Но остальной мегаполис оставался для меня слепым пятном. *Terra incognita*, о которой я только читал в сводках и видел мельком, проносясь по улицам на своём байке.

— Работа у меня такая, Суин. Я бываю там, где случаются преступления.

— Везде случаются преступления и у всех у нас такая работа. Но ты и не видишь картину целиком, — буркнул Суин. — Преступность — это симптом, как говорит наш шеф. А чтобы понять болезнь, нужно изучить весь организм. Поехали.

— Куда это? — насторожился я.

— На экскурсию. Покажу настоящую изнанку Города. Не ту, что в твоих протоколах. Ты всё ещё скверно там ориентируешься.

— Как раз подумывал об этом, — кивнул я. — Взять хоть эти дела, которые сейчас рассматриваю. Упомянуты такие

места, о которых я только слышал.

— Это какие же?

— Где-то около порта.

— А-а-а, там. Тогда — да. Тебе стоит лучше ознакомиться с местным колоритом. Ты как Город изучаешь? По протоколам? Из окна кара? С сиденья своего байка? Пора ногами пройти и глазами посмотреть. Тебе понравится.

Я попытался отшутиться, но Суин был непреклонен. Идея ему пришлась по вкусу. Он выдернул виртуальное окно, вызвал карту и куда-то ткнул пальцем. Тогда я ещё не познакомился с Вик, и вёл вполне холостяцкий образ жизни. Небольшой загул никто бы не осудил.

— Вот смотри. Начнем отсюда, — Суин указал на бывшую промзону, известную как «Лаун Дан», — вчера тут снова случилось ограбление небольшого склада. Они, конечно, сами там разберутся, но нам требуется хоть бы формально присутствовать. А здесь, — палец переместился на метку «Причалы», — место, где произошла та самая история с контрабандой. Ты же по документам всё расследовал, даже не ходил туда. Хочешь своими глазами взглянуть?

Я не хотел. Но в этом был свой резон. Я тогда работал постфактум, и далеко не всегда приходилось выезжать лично. Увидеть места до того, как что-то случится? Пригодится, и я кивнул.

— Ладно. Но исключительно в качестве наблюдателя.

Мы вышли на стоянку, сели во флаер Суина и взлетели

над Городом.

Первой точкой у нас значилась северная оконечность Свободной зоны «Лаун Дан», глубоко вдающаяся в тело Города часть «Ржавого пояса». То, что я увидел, не вписывалось в сухие строки протоколов. Гигантские здания бывших фабрик, оплетенные пожухлыми трубами, не выглядели мертвыми. В их стенах теперь гудели крафтовые пивоварни, мастерские контрафакта и нелегальные клубы. Здесь пахло не преступностью, а старой криминальной пылью, перегретым металлом и свежей краской.

По официальным докладам здесь просто серая зона с координатами. В реальности же там лабиринт из заводов-призраков, оплетенных ржавыми лестницами и колючей проволокой. Я не просто видел это место — я чувствовал его кожей. Отмечал про себя слепые зоны камер, разбитые окна на уровне первого этажа, идеальные для проникновения, заброшенные подъездные пути, где можно спрятать фургон. Это уже не абстрактные точки на карте, а готовый план для преступления, написанный самим архитектурным хаосом.

Затем мы полетели в «Район зеленых крыш» — неблагоприятное место на отшибе. Я бывал в таких, но всегда по вызову, с мигалкой и командой. Сейчас же мы просто медленно летели над его улицами в темноте. Я видел группы молодежи по углам, мгновенно замолкавшие при виде нашей машины, пусть даже и летающей. Видел темные окна без стекол и ощутил чувство всеобщей настороженности. Это не криминал в

действии, это его подпитка. Тихая, страшная, ежедневная.

— Ну что, сыщик, заметил что-нибудь криминальное? — ухмыльнулся Суин.

Я медленно покачал головой, глядя на огни города, зажигающиеся в сумерках.

— Нет.

— Хотя что-то интересное углядел?

— Кое-что поважнее нашел, — буркнул я.

— Что?

— Контекст.

— Верно мыслишь! — хлопнул меня по плечу Суин. — Люди здесь живут и работают, они не просто потерпевшие или подозреваемые из твоих дел. Город весь надо знать. А ты плохо его знаешь. А теперь летим на причалы, в Порт.

Порт стал нашей последней точкой. Мы зависли в темноте, высоко над крышами, и Суин пояснил:

— Вон те ангары видишь? Считаются бесхозными уже лет пять. Идеальны для временного хранения криминальных грузов. Камеры слежения тут если и работают, то через раз и легко блокируются.

— Почему?

— Не знаю. Никогда не задумывался. Полетели на «Причалы».

«Причалы» — это не весь порт. Там ещё Доки, и Старые доки, и ещё какие-то Сливы. Сливы — от слова «сливать». Портовые сооружения для осмотра, ремонта и постройки су-

дов. Многие заброшенные и давно не используемые. По делу о контрабанде я изучил десятки схем доков, но ни одна из них не передавала атмосферу того места. Всего раз я бывал здесь, да и то мельком. Громадные краны замерли в неестественных позах, отбрасывая длинные, искаженные тени. Я кивал, сжимая руки в карманах. Понятна очевидная логика контрабандистов — мутная темная вода, легкий доступ к укрытиям и полное отсутствие лишних глаз. Мои теоретические выкладки вдруг обрели плоть и кровь, и от этого стало немного не по себе.

«Какого чёрта Город порядок здесь не наведёт?» — сердито думал я.

— Предлагаю пойти в «Кумган». На первый взгляд — припортовое заведение самого низкого пошиба. Зато готовят там выше всяческих похвал. Свежайшие морепродукты и рыбные блюда лучшие в Городе.

Звучало безрассудно и безумно притягательно одновременно. Чистейшей воды сумасшествие, на которое мог подтолкнуть только Суин. Он посадил флаер на охраняемую стоянку чуть ли не в полумиле от порта.

— Дальше — только пешком. Лучше тут не показывать мою леталку.

Мы оказались у входа в кафе, затерявшегося в самом сердце портового района. Там, где даже неоновый свет, казалось, стекал в липкие, масляные лужи.

— Уверен, что хорошая идея? — пробормотал я, чув-

ствуя, как холодная рукоять служебного пистолета под курткой упирается в ребро.

— Лучший способ узнать, где зреет гниль, это понюхать ее вблизи, — беззаботно парировал Суин, отодвигая тяжелую пластиковую полосу-занавесь, заменявшую дверь. — Расслабься и просто наблюдай. Молча.

Внутри «Кумгана» воздух оказался так себе. Его почти можно было жевать. Здесь сплетался клубящийся коктейль: сизый дым дешевых полулегальных наркотиков, запах рыбы и перегоревшего масла из кухни. Сводчатый потолок отражал свет тусклых голографических вывесок и неоновых трубок, которые бросали на все помещение мертвенно-синие и кроваво-красные отсветы. Звучала на удивление приятная мелодия, явно сгенерированная тут же, налету. Заведение не выглядело готовым покупать лицензионную музыку.

Стойка из нарочито грубых металлических листов, была исцарапана и испещрена граффити. За ней возвышался массивный бармен, ловко вытиравший стаканы чистой белой тряпкой. Левую его руку заменял хромированный киберпротез. Из-за плохой подборки, руки получались разной длины и размера. Его единственный биологический глаз медленно скользил по залу, холодный и оценивающий, как у патрульного копа. Его помощница — крепенькая девица с оценивающим взглядом, лихо орудовала у другого конца стойки.

Клиенты собрались самые разные. У стойки сидел тип, на лысой голове которого голографическая татуха изображала

вечно плавающийся череп. Он что-то бубнил сам себе, и из уголка его рта стекала струйка слюны. Парочка ярких проституток сканировала зал в поисках перспективных клиентов. В углу, в дымной завесе, вела тихий торг группа людей. Их лица скрывали капюшоны, а под плащами я угадывал очертания оружия. Какая-то женщина с шелковыми кибернетическими щупальцами вместо волос медленно облизывала лезвие ножа, смотря в никуда пустыми глазами. Но что особенно меня поразило — так это одиночный ботинок, стоявший на полу около стойки. Судя по размеру — принадлежал он какому-то немелкому мужику.

Мы с Суином заняли освободившийся столик у стены. Я ощущал на себе десятки взглядов. Оценивающих, враждебных, безразличных. Здесь я выглядел чужаком, и моя кожаная куртка кричала об этом громче сирены.

— Первый дринк наливают бесплатно. За счет заведения, так сказать, — вполголоса объяснял Суин, но мог бы и не секретничать. Кому надо, и так нас слышали, а остальным было пофиг. — Только не рекомендую клевать на эту замануху. Дадут такое пойло, что внутри всё начнёт гореть, и ты уже закажешь в десять раз больше. А когда деньги у тебя закончатся, или пить больше не сможешь, просто вышвырнут.

Суин, похоже, свободно ориентировался в подобной обстановке. Он невозмутимо поманил бармена. Тот подошел, и его киберрука издала тихий шипящий звук.

— Два виски, морской салат номер пять, пару двойных

порций в две тарелки, и пару отдельных порций жареного тунца, — бросил Суин, даже не глядя в меню, которого тут, скорее всего, и не было.

Бармен, который временами исполнял ещё и функции официанта, в ответ что-то хрипло пробормотал. Я вжимался в сиденье, стараясь запомнить каждую деталь, каждое лицо, отрабатывая свою детективную привычку. Но это совсем не то же самое, что наблюдать через записи камер. Здесь в любую минуту могли воткнуть нож в горло.

Наш заказ принес не сам бармен, а девушка с механическими ногами, цокающими по полу. Она поставила перед нами два стакана с прозрачной янтарной жидкостью, в которой плавало что-то, напоминавшее звёздочки льда. Я пока не стал даже прикасаться.

Именно в этот момент из тумана возник здоровенный дедина, с налитыми кровью глазами и черной банданой на голове. Он пошатнулся и уперся рукой в наш столик.

— Эй, гладкокожие, — его голос звучал хрипло, как скрежет металла. — Вы тут чё, шпионить пришли?

Я почувствовал, как все мышцы спины напряглись. Перень явно был непрочь подраться. Я, впрочем, тоже. Моя рука сама потянулась к скрытой кобуре. Но Суин действовал быстрее. Он не стал лезть за оружием. Он лишь поднял голову и встретился взглядом с барменом. Тот кивнул почти незаметно.

Прежде чем я успел что-то понять, из тени за буяном вы-

шел еще более крупный мужчина — вышибала с титановой пластиной вместо половины лица. Он молча взял хама за шиворот и, не встречая сопротивления, потащил к выходу. Скандал стих, не успев начаться.

Бармен снова посмотрел на нас своим красным киберглазом. Взгляд давал понять: «Пейте, ешьте и особо не выделяйтесь».

Я больше не слышал музыки, только гул собственной крови в висках и треск коротких замыканий где-то в проводке. Похоже, «Кумган» не то место, куда приходят расслабиться. Это джунгли, где действовали свои суровые, негласные правила. Здесь можно исчезнуть, и никто даже не моргнет.

Мы просидели в тени уже с полчаса, и первоначальное острое напряжение начало мало-помалу притупляться, сменявшись усталым наблюдением. Еда оказалась действительно замечательной. Я уже почти поверил, что мы просто ужинаем и смотрим на аквариум со страшными, но неопасными для нас рыбками. Как же я ошибался.

Их было трое. Они отделились от общей массы и направились к нашему столику, рассекая дымный воздух, как акулы. Ведущий, массивный мужик с рельефными титановыми пластинами на скулах и оголенными кибер-приводами на шее, явно был заведен каким-то допингом. Его глаза блестели стеклянно и пусто.

— Смотри-ка, опять глянцевые приперлись, — сипло просипел он, останавливаясь прямо перед нашим столом. —

Вынюхивают.

Его спутники, похожие на облезлых гиен, хихикнули. Я почувствовал, как Суин замер, но его лицо оставалось маской спокойствия.

— Ошибаешься, приятель, — легко парировал мой друг.
— Просто выпиваем. Не хочешь присоединиться?

— С кем попало, мы свои стаканы не чокаем, — бугай уперся руками в наш стол, и наклонился ко мне. Его взгляд скользнул по моей куртке, по моей левой руке без явно видимых имплантов. — Ты на кого работаешь, гладкокожий? Коп? Чей-то глаз?

Моя правая рука под столом медленно, сантиметр за сантиметром, поползла к кобуре. Сердце заколотилось где-то в горле, но разум лихорадочно работал: трое, вероятно, вооружены, бармен наблюдает, но помогает ли он гостям или просто охраняет порядок — неизвестно. Вышибала торчал далеко у входа.

— Я работаю на себя, — ответил я, и мой голос прозвучал неестественно спокойно. — Мы не ищем проблем.

— Проблемы уже нашли тебя, — он плюнул мне в стакан с темной жидкостью, которую я так и не тронул. Брызги забрызгали стол. Его дружки заржали.

Это была классическая, грубая провокация, чтобы задеть, унижить, заставить сделать первое движение. Я уже сжимал рукоятку пистолета. Первый же выстрел стал бы началом бойни, из которой мы, скорее всего, не выбрались бы.

И тогда бугай сделал роковую ошибку. Он потянулся не ко мне, а схватил за плечо Суина, чтобы отшвырнуть его и добраться до меня. Я видел, как лицо Суина исказилось от ярости. И этого показалось достаточно.

Время замедлилось. Я не стал доставать пистолет. Вместо этого встал со стула и рванулся вперед. Весь свой вес, всю адреналиновую ярость постарался вложить в короткий, резкий удар ребром ладони по горлу тому, кто держал моего приятеля.

Бандит ахнул, захлебнулся и отшатнулся, выпуская моего друга. Его стеклянные глаза полезли на лоб от неожиданности и нехватки воздуха.

Я не стал добивать. Рванул Суина за рукав, отталкивая его в сторону от стола, в проход. «Кумган» взорвался. Хулиганы ринулись вперед, один из них занес руку, и в его кулаке блеснуло лезвие. Со всех сторон поднялся гул — не страха, а предвкушения зрелища.

Из дымного тумана материализовался вышибала. Но он не бросился нас разнимать. Он просто встал между нами и основным залом, скрестив руки на груди, отсекая нас от остальных, оставил один на один с тремя нашими обидчиками. Правила были просты: раз уж началось, доведи до конца. Нейтралитет заведения сохранен, да и публике бесплатное развлечение.

Первый удар ножом пришелся по тому месту, где стоял я секунду назад. Я отпрыгнул, а лезвие рассекло воздух в

районе моего живота. Страх не осталось, только холодный, яростный расчет. Я поймал руку нападавшего, рванул на себя и ударил коленом промеж ног. Тот завыл, и нож со стуком упал на пол.

Второй налетел сбоку, но Суин влепил ему в челюсть короткий, умелый апперкот. Раздался неприятный хруст. Тем временем их лидер, тот самый кибер-бугай, уже оправился от удара. Он уже не был похож на человека. С шипением и скрежетом заработали приводы на его шее, и он ринулся на меня, как танк. Я успел увернуться от первого удара, но второй, металлический кулак, пришелся по моим ребрам. Мир померк от боли. Я почувствовал, как внутри что-то треснуло. Тут противник выставил вперед левую протезную руку, а правой открутил и резко выдернул большой палец. За ним потянулся волос ярко-оранжевого свечения.

Проклятье. Моноструна. Сверхтонкая, в несколько атомов толщиной, раскалённая нить, встроенная в кибернетическую руку. Благодаря невероятной тонкости обладала чудовищной режущей способностью и могла рассекать практически любой материал, как горячий нож масло. Я лишь однажды видел моноструну в деле, причем ничем хорошим та схватка не закончилась. Оружие редкое и смертельно опасное. Моноструна почти несокрушима в бою, но требовала немалого мастерства, так как владелец спокойно мог сам покалечить себя.

В глазах нападавшего читалось удовольствие. Выбора не

оставалось, я рванул куртку и выхватил пистолет. Грохот выстрела в замкнутом пространстве «Кумгана» прозвучал оглушительно. Он перебил музыку, крики, все прочие звуки. Пуля ни в кого не попала — я стрелял в потолок, в одну из мерцающих неоновых трубок. Она взорвалась и осыпала все вокруг дождем осколков и искр.

Все замерли. Мой пистолет теперь направился на главного бандита. Следующий выстрел уже не планировался как предупредительный.

В наступившей тишине раздался спокойный, хриплый голос бармена:

— Так, ребята. Стоп. Игра закончена.

Он не повышал голоса, а его кибер-рука теперь указала на нас. Не на меня конкретно, не на хулиганов, а прямо в центр конфликта. Из его запястья выдвинулось короткое, толстое дуло энергетического дробовика. Зато бандит молча убрал свою моноструну.

— Выносите своих уродов и проваливайтесь, — он кивнул в сторону троицы. — И вы тоже. Чтобы ваши глянцевые рыла больше не появлялись здесь.

Мы с Суином не стали спорить, но и не спускали глаз с бармена и нападавших. Начали медленно пятились к выходу. Спиной я чувствовал десятки заинтересованных взглядов. Никто не смел послушаться бармена.

Тяжелая пластиковая полоса хлопнула, когда мы вывалились на холодную, влажную улицу. Мы тяжело дышали и

молча прислонились к стене. Ребра горели огнем, руки дрожали.

Суин вытер кровь с разбитой губы и хрипло рассмеялся:
— Ну что, понравилось? Ознакомился с местным колоритом?

Я молча кивал и глотал холодный воздух. Вот и получилось увидеть Город вживую, не как в отчете. Урок оказался куда ценнее любой справки или видеоматериала.

Мы отошли подальше. Я сделал очередной глубокий вдох, будто пытался очистить легкие.

— Желание повторить имеется? — скривился мой друг.

— Как-нибудь в другой раз. Почему, интересно, эту дыру до сих пор власти не прикрыли?

— А ты что, так и не понял?

— Нет.

— Как ужин? Понравился?

— Это — да. Некогда такого не пробовал. Действительно было невероятно вкусно.

— Вот. Салаты и основные блюда здесь готовят из таких морских существ, которые уже давно запрещены к вылову. И виски у них настоящий, в Городе его просто не делают. Контрабанда. Обеды на вывоз там заказывают очень непростые люди. Руководители главных корпораций. Главари банд. Начальники отделов Администрации Города. Ещё кое-кто. А ты говоришь — почему не прикрыли.

— Теперь понял, где концы искать, — сказал я, глядя на

мерцающую вывеску «Кумгана». — Лучше не соваться одному без очень-очень веской причины. А ещё я уже не хочу есть.

— Ладно, до дома тебя подкину, а там уж сам как-нибудь. Извини, друг.

Когда мы вернулись в центр, огни небоскребов показались неестественно яркими и пустыми.

— Ну а теперь-то, нашел что-нибудь интересное для своих отчетов? — спросил Суин, притормаживая у моего дома.

Я вышел из флаера и обернулся к нему.

— Теперь — да, — сказал я тихо. — Обстановка примерно такая же, как на месте преступления.

Суин высадил меня на нашей стоянке и улетел. Я поднялся к себе, обработал ссадины и долго не мог заснуть. Зато вечер не прошёл зря. Город за окном больше не выглядел схемой. Он стал живым, дышащим существом с темными переулками и шрамами. Чтобы защищать его, мне предстояло узнать и эту сторону. Не по бумагам, вживую.

Глава 2. С тех пор

С тех пор много чего изменилось в моей жизни. Меня повысили и сделали полноправным детективом. Мое тело обогатилось имплантами. У меня появилась Вик. Суин трагически погиб при выполнении служебного задания. В Городе, в большом бизнесе, появился новый игрок — молодая агрессивная компания «Эластик Индастриз».

Уже больше трёх лет как живу здесь.

Тем утром я наскоро позавтракал и собрался на службу. Вик ушла ещё раньше, оставив краткое сообщение:

«Побежала. Приду как обычно. Не звони — будет напряженный день. Целую».

У нее предполагалось дежурство, и она ещё вчера предупредила, что вернётся поздно.

На стоянке оказалось необыкновеннолюдно: толпилось человек десять, чего обычно не случалось. Люди приходили, садились в свои машины и уезжали. Да и охрана не приветствовала разные сборища.

Сзади кто-то сказал:

— Это он.

— Э, стой! — прокричал другой голос.

Я отлично понимал, что на такие окрики реагировать не рекомендуется. Но тут почему-то остановился и обернулся. Сзади оказался здоровенный детина, один из тех типов, что

прикапывались ко мне с Суином тогда, в припортовом кабаке. Я сразу узнал его. Он быстро подошёл и, больше ни слова не сказав, резко вскинул руку и ударил меня в лоб.

Голова закружилась, а потом я провалился не в беспамятство, а в какую-то мутную яму. Сознание не отключилось полностью, а поплыло. Я чувствовал, как меня подхватили под мышки и за ноги, слышал приглушенные голоса, скрип шин подъехавшего слишком близко фургона. Запах горючего и смазочной смеси. Меня швырнули на жесткий металлический пол, дверь захлопнулась с глухим ударом, и двигатель заурчал.

Мы ехали недолго. Я лежал, пытаюсь совладать с тошнотой и прояснить зрение. В висках стучало, на месте удара пылал огонь. Я ощутил отвратительный холодок страха, но следом за ним пришла ясность и злость. Это не случайное нападение. Это захват.

Фургон остановился. Дверь распахнулась, и слепящий свет ударил в глаза. Четверо, включая моего знакомого.

— Ну что, сыщик, проснулся? — тот самый детина с пластинами на скулах осклабился. — Решили с тобой серьезно поговорить. Без свидетелей.

Меня вытащили из фургона и поставили на колени. Я попытался встать, но получил удар сзади, и снова упал на колени. Мы были в каком-то заброшенном гараже или на складе — высокий потолок, запах машинного масла и горючего. Идеальное место.

Я молчал, экономя силы. Глазами искал хоть что-то, что могло стать шансом. Разлитая лужа масла в метре от меня. Ржавый лом, или очень большая монтировка, прислоненная к стене.

— Кто ты такой? — рыкнул он, наклоняясь ко мне. — Кому докладываешь то, что видишь?

Я понимал, что любой ответ, любая попытка играть здесь бесполезны. Наверняка он отлично знал, кто я и где работаю. Они здесь не для разговора. Они для демонстрации.

И тогда я увидел свой шанс. Один из них, ростом поменьше, неуверенно держал мой служебный пистолет, который они, видимо, вытащили, пока я был в отключке. Бандит держал его неправильно, палец лежал на скобе, а не на спуске.

— Я тот, кто знает, что вы — пешки, — тихо, но четко сказал я, глядя прямо в глаза главному. — И тот, кто сейчас усложнит ваши жизни.

Главный взбесился. Взмахнул рукой для нового удара. И это он зря. Пока его внимание сосредоточилось на мне, я рванулся не назад, а вперед, к тому, кто держал мой пистолет. Я врезался в него плечом и выбил оружие из неуверенных рук. Пистолет с грохотом упал на бетон и укатился под фургон.

На секунду воцарился хаос. Я не стал драться, а побежал. К тому самому лому у стены. Рывок, кувырок через плечо, и холодный металл оказался в моей руке. Я развернулся и почувствовал, как адреналин гасит боль и головокружение.

Они замерли, оценивая ситуацию. Теперь в руках у меня появилось нечто тяжелое и смертоносное. Я стал уже не простой жертвой.

— Ну что, парни, — я выдохнул, принимая устойчивую стойку. — Продолжим наше знакомство?

Их было трое. Но теперь они думали. А думающий враг — уже не так опасен. Я понимал, что это лишь отсрочка, но каждая секунда на моей стороне была шансом. Шансом дожидаться, пока кто-то не услышит шум. Шансом, что Вик, не дозвонившись, забеспокоится. Шансом выжить. Я готовился продать свою жизнь дороже, чем они предполагали.

Самый молодой из них, тот, что упустил пистолет, нервно сглотнул. Дитина с искусственными скулами усмехнулся, но в его глазах читалась доля уважения к внезапно ожившей дичи. Он медленно провел языком по зубам.

— Это мило. Но у нас стволы, — он кивнул своему подручному, который уже доставал из-за ремня увесистый армейский бластер.

Я понимал, что они правы. Прямой бой не получится. Моя единственная тактика — отступить и искать слабину. Я сделал шаг назад, к тени старого станка, намеренно направляя их взгляд на лужу масла у своих ног.

— Последний шанс разойтись, — сказал я, хотя прекрасно знал, что его нет. Это была просто болтовня, чтобы выиграть секунду.

И эта секунда нашлась. Со стороны входа в гараж раздался

резкий, оглушительный звук — не гудок, а сирена, сорванная с какой-то аварийной машины. Все, включая меня, рефлекторно дёрнулись и повернули головы на шум.

Этого мгновения хватило. Я не побежал к выходу. Вместо этого рванул вглубь гаража, завалив за собой стеллаж с банками краски. Они с грохотом покатались по бетону, создавая хаос и шум. За спиной послышалась ругань и крик: «А ну стой, сволочь!»

Свет фар фургона слепил, выхватывая из мрака клубы пыли. Я нырнул за какой-то металлический каркас, чувствуя, как ребра отзываются острой болью на каждое движение. Пуля со звоном отрикошетила от балки над моей головой. Они стреляли на звук.

Мне нужно было к фургону. Безумная идея, но единственная. Пока они искали меня в глубине, я пригнулся и пополз обратно, вдоль стены. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди через горло.

Водитель, ошарашенный сиреной, высунулся из кабины и попытался осмыслить, что вообще происходит. Он сидел один, и в его руке не замечалось оружия.

Маленький, но шанс. Я выскочил из тени, схватил все ещё валявшийся под фургоном пистолет и, прежде чем водила успел среагировать, ударил рукояткой по дверце. Стекло треснуло, водила с визгом отпрянул внутрь. Дверь оказалась незаблокированной. Я рванул ручку, влетел в кабину, отшвырнул охнувшего водителя на пассажирское сиденье и

пригрозил ему стволом.

Угнать фургон я не мог, он явно настроивался на голос водителя. Пришлось заставить. Я назвал подходящий адрес. Далеко от моего дома, но и отсюда неблизко. Фургон рванул с места. В камере заднего вида удалось заметить, как трое преследователей выбегают на свет, беспомощно размахивая руками. Следующая пуля пробила заднюю дверь, но не достигла кабины.

Какими-то переулками мы выехали на Бесконечный проспект, сливаясь с потоком машин, и только тогда я выдохнул. Руки тряслись. Водитель, прижался к двери и смотрел на меня в ужасе. Пока ехали, я вызвал Карину — свою машину — к тому месту, куда направлялся фургон. «Карина» — умница, её искусственный интеллект стоил дороже, чем десять таких железяк.

— Передай своим, — хрипло сказал я водителю, — что со мной так не шутят. Теперь это личное, так просто вас не оставлю.

Я покинул его на следующем перекрестке, напоследок опять погрозив стволом. Потом зашёл в переулок и сел в свою машину. Достал старый, «аварийный» внешний коммуникатор с пиратским номером, спрятанный под сидением, и набрал знакомый контакт.

— Вик, — обратился я к своей девушке, когда та ответила на том конце. — Я это. Понимаю, что у тебя дежурство, но придумай что-нибудь. Мне нужна помощь и твоя аптечка. И

это... смени номера.

Как офицер полиции она отлично понимала главные опасности этого Города. А ещё она знала, что с дежурства по пустякам я никогда бы её просто так не выдернул.

— Карина, — сказал я своей машине, — едем куда-нибудь подальше. — Только не к дому.

— Поняла, Тим, — ответил электронный разум моего кара.

Только отъехав на безопасное расстояние, я позволил себе закрыть глаза на секунду. Боль снова накатила волной. Но теперь я знал наверняка — тихая жизнь для меня закончилась.

Тут что-то произошло.

Мир перед глазами поплыл, мигнул, и всё провалилось в пустоту.

Исчезло восприятие реальности, чувство времени и вообще всего.

Ощущения показались странными.

В себя получилось прийти в каком-то белом светлом помещении. Сначала я не понял, где нахожусь. Что-то было не так. К руке пластырем оказался приклеен катетер капельницы, а голова болела. Резкий запах антисептика ударил в нос, но всё встало на свои места, когда взгляд упал на стену. Если судить по плакату напротив, я снова в своем мире, там, где родился. Очевидно, что в больнице. Боль из разрозненной пульсации превратилась в чёткий, гудящий сигнал где-

то внутри черепа.

Старый мужик, оказавшийся рядом, показался смутно знакомым. Где-то я уже видел его, причем при очень важных для меня обстоятельствах.

Тут всё и вспомнилось. Заместитель генерального директора компании «Рестарт Консалтинг» — Игнатий Рустамович Кижевский. Начальник мой, под руководством которого я трудился в том, своём, родном мире. До того, как меня забросили в «мир победившего киберпанка», в Город. Собственно — сам Кижевский и забросил. Как он это сделал, я не знал, но что-то подсказывало, что и не узнаю никогда.

— A vy izmenilis'. No vpolne uznavaemy, nesmotrya na vsyo, — задумчиво произнес Кижевский.

Я не сразу сориентировался, чтобы вернуться к своему родному языку.

— Как это работает? — выдавил из себя я. — Какая-то магия?

— Если вам так проще, то можно и так сказать.

— Но ведь магии не существует.

— Не существует, вы правы. Понимаете, Тимур... Можно я вас по имени буду называть?

— Ну, разумеется. Нужно даже.

— Понимаете, Тимур, любая принципиально новая технология воспринимается как магия. Это третий закон Кларка. Вот представьте, что бы сказал деревенский житель шестидесятих годов прошлого века, увидев ваш смартфон?

Пусть даже без связи, просто с накачанными туда фильмами, музыкой, игрушками и книжками? А житель средневековья? А житель каменного века? Примерно такой эксперимент невольно провели американские военные, когда устроили свои базы на удалённых островах Меланезии во время второй мировой войны.

«Интересно, для чего он мне всё это говорит?» — подумал я, но промолчал.

— Вызывали по радиации самолёты, — продолжал Кижевский, — а в перерывах раздаривали аборигенам разные красивые штучки. Прилетал самолет и привозил новые партии всякой мелочи. В результате островитяне сейчас верят, что западные товары созданы духами предков и предназначены для их народа. Они считают, что белые нечестным путём получили контроль над этими предметами. Проводятся ритуалы, похожие на действия белых людей, чтобы этих предметов стало больше. Так что перемещение между мирами это не магия, а чужие для нас технологии.

— Опять инопланетяне? Не верю.

— Вы не верите, а я просто не знаю. Инопланетяне, иномиряне, кто-то ещё... Не знаю кто! Но знаю точно, что это есть. Ибо пользуюсь.

— Вот с этого места поподробнее, пожалуйста. Для начала расскажите мне о перемещении между мирами. Это имеет прямое отношение к делу.

— Долго получится. Врач сказал, что вам вредно напря-

гать голову.

— Переживу. Ну а всё-таки? Я настаиваю.

— Ну, раз настаиваете, и моего времени вам не жалко... Но вообще, это очень интересный и глубокий вопрос. Концепция перемещения между мирами существует в самых разных областях, от древних мифов и эзотерики до современных научных гипотез и фантастики. Хотите лекцию? Пожалуйста.

Он действительно говорил долго. Перечислял разные гипотезы и теории, даже коснулся чисто фантастических идей. Но по сути Кижевский не рассказал ничего нового. Я ждал, может в конце расколется? Не дождался. Честно говоря, я быстро устал от этой «лекции». Неведомый врач был прав.

— Теперь — краткий итог. С научной точки зрения, это всё пока лишь гипотезы. Кротовые норы, мультивселенная и так далее, не подтверждены экспериментально. С культурно-мифологической — это мощные архетипы, отражающие веру человека в существование большего, чем наш видимый мир. С фантастической — это безграничное поле для творчества, где главный ограничитель — воображение автора.

— Ну и?.. — не выдержал я, когда в очередной раз Кижевский сделал мхатовскую паузу. — Вы же так ничего и не объяснили. Хотелось бы узнать конкретно о технологиях, посредством которых вы закинули меня туда, а потом перетащили обратно.

— То есть вы хотели бы узнать подробнее о каком-то кон-

кретном методе?

— О чём и речь. Но — извините. Устал. У меня голова распухла от вашей лекции и не очень соображает. Последствия удара, наверное. Сколько меня тут не было?

— Чуть больше трех лет, Тимур. Ваша квартира в полном порядке, было кому позаботиться и приглядеть за ней. Как выздоровеете, можете возвращаться туда. Поскольку вы числились в командировке, на ваш счёт поступала зарплата и скопилась вполне ощутимая сумма.

— То есть я теперь богатенький Буратино?

— Как коряво вы изъясняетесь.

— В обличие от вас, я не очень большой мастер изящной словесности.

— Не дерзите, молодой человек. Сейчас я хозяин положения.

— Простите, Игнатий Рустамович. Случайно вырвалось. Отвык от здешнего этикета. Не расскажете, как вас-то угораздило стать тем, кто вы есть?

— Принимается. Так вот, как-то раз проходил я плановое медицинское обследование, и нашли у меня начальную стадию очень нехорошей болезни, которая была хорошо знакома медикам. Название её вам ни к чему, но лечить её врачи до сих пор не умеют. Дали понять, что есть у меня полгода сравнительно спокойной жизни, а дальше уже — как повезёт. Рекомендовали привести в порядок свои дела. Подробности сейчас уже не важны, скажу только, что позже,

когда у меня уже начались боли, пришел ко мне один человек. То есть он выглядел как человек, а уж кто он там на самом деле, я понятия не имею. Он ничего не рассказывал о себе. Непримечательная среднестатистическая внешность, средний рост, средний возраст. Предложил полное излечение и долгую жизнь без особого старения.

— Вы это сейчас серьезно?

— Более чем. Кстати — обычная тема для всевозможных фэнтезийно-мистических историй. В качестве убедительной демонстрации незнакомец провел экспресс-тест: на неделю вернул мне силы и снял все симптомы. Естественно, я спросил, что взамен. Тот махнул рукой и объяснил, что ничего сложного не потребуется, справлюсь. Я немедленно согласился. А потом было то, что стало. Я прекратил стареть, болезнь исчезла, зато пришлось работать в качестве посредника, причем бесплатного. В счет оказанной услуги переправлять туда тех, кого мне называли и куда указывали. Так же, как и вас. Что? Я сам не знаю, как это работает. У меня есть алгоритм поведения и схема нужных мест. Миров, если хотите. Я туда отправляю людей. Для меня такое действие выглядит как усилие воли. Хорошо понимаю, что это внешнее проявление каких-то неизвестных сил, технологий и процессов, но что толку? Вы же вряд ли в курсе всех тонкостей работы содержимого вашего смартфона, которым уверенно пользуетесь. Уже нет? Но у вас он был, я помню.

Я слушал Кижевского, а сам думал — что теперь делать?

Мне понравилось там, в том мире, в Городе. Возвращаться в Москву очень не хотелось. Я уже подзабыл всех этих иностранных специалистов и гастарбайтеров, отвык от дорожных пробок, от толкотни в метро и иных проблем, что всяма усилились за последние годы. Судя по обрывкам разговоров медсестер, эти трудности никуда не делись, лишь усугубились.

— Если вы не забыли, — тем временем продолжил Кижевский, — вас отправили туда не просто так. Понималось, что вы изучите полезные технологии, идеи и принципы, которые можно использовать у нас.

— Боюсь, что не успел достаточно вникнуть, — бросил я пробный шар. — Я там ловил преступников и нарушителей общественного порядка. Этим зарабатывал на жизнь. Было как-то не до усвоения технологий. Только практическое применение.

— Вот и хорошо. Составьте список этих практических применений. Что видели, чем пользовались. Пока тут лежите, подумайте. Время у вас есть.

— Голова болит, Игнатий Рустамович.

— Знаю. Это — нейрохирургическое отделение. Врач сказал, у вас закрытая черепно-мозговая травма — лёгкое сотрясение мозга, что обычно случается после удара по голове. Сделают МРТ, возможно — ещё чего-то. Невролог уже сейчас говорит, что ничего страшного нет. Тем не менее, у вас постельный режим на пять суток. Недельку вас тут про-

держат. Выздоровливайте, а мне пора.

Начальник ушёл. После разговора с ним головная боль только усилилась. Где-то за окном заработал мотор, из открытой фрамуги дыхнуло автомобильными выхлопами.

«МРТ, — думал я, — с моими имплантами очень бесполезно. Надо срочно отказываться».

Вообще-то слово «бесполезно» выглядело сильным преуменьшением. В моей новой памяти, залитой в Городе, всплывали чёткие спецификации: кремниевые матрицы в зрительной коре, ферритовые наноимпланты, нанометровый квантовый сопроцессор у основания черепа, тончайшие биополимерные проводки, опутавшие полосатые тела мозга. Никакой рентген их не заметит, но МРТ мог вызвать всё что угодно — от перегрева и сбоя нейроинтерфейса до необратимого повреждения серого вещества. Чудовищное магнитное поле магнитно-резонансного томографа превратит мой мозг в кашу, приправленную кусками металла, феррита и кремния.

Медсестра, румяная и улыбчивая, казалась пришелицей из другого измерения. Из того, старого, где технологии были добрыми и служили во благо человечеству. Здесь, в этой стерильной белизне, она выглядела символом уюта. Там, в городе-улье, залитом кислотным светом неоновых реклам, улыбка была такой же редкостью, как чистая вода. Женщина везла перед собой каталку, из тех, на которых перевозят лежащих больных.

— Едем на МРТ, Тимур, — утвердительно объявила она, подводя тележку в моей койке. — Сейчас поможем перелечь.

— Нет, — сказал я тихо, но так, чтобы было слышно.

Медсестра нахмурилась.

— Как «нет»? Это обязательно. Доктор назначил.

— У меня... железные осколки от снаряда, — соврал я, глядя в потолок. — В голове. Не все удалили.

Это была стандартная, почти рефлекторная ложь попанданца. Универсальное оправдание любой странности. Она сработала. Лицо медсестры смягчилось, в глазах мелькнуло понимание.

— Ах, вот оно что... Сейчас скажу доктору. Подождите.

Она ушла, а я остался наедине с белым потолком и призраками прошлого. Вернее, будущего. Кижевский хотел список технологий? Он что, не представлял, о чём просит? Он хотел огрызков знаний, а у меня в черепной коробке лежала библиотека целой цивилизации. Не теория, а цифровая память.

Я закрыл глаза, и передо мной всплыл интерфейс. Внутренний экран. Призрачный, едва заметный, след импланта, всё ещё пытающегося как-то работать. Я видел статус-бар своего тела: слабость, лёгкая тошнота, когнитивные функции на 67% — последствия травмы и переброса. «Постельный режим на пять суток». Смешно. В Городе после такого лёгкого сотрясения мне бы вкололи коктейль ноотропов и отправили бы на дежурство через два часа.

Список. Хорошо. С чего бы начать-то?

Нейроинтерфейс. Прямое подключение к сетевым потокам, управление дронами силой мысли, мгновенный доступ к любой информации. Побочный эффект — нейровирусы и цифровые фантомы, пожирающие сознание. И что? Чем эти мои отрывочные знания помогут здесь?

Вшитый в тело социальный чип. Паспорт, банковский счет и вообще всё в одном. Полная прозрачность для властей. Никакой анонимности и никакого права на забвение. За любое нарушение — мгновенная блокировка доступа к деньгам, транспорту, социальному лифту. Но я привык и уже не думал об этом.

Городская болезнь. Не миф, а реальный медицинский диагноз. Цена за ускорение, усиление и удобство. Когда разум перестаёт отличать плоть от машины, реальность от виртуальности. Я видел, как один из лучших оперативников нашего отряда, человек с титановым позвоночником и супер-процессорами в груди, в приступе психоза вырвал себе глаз, пытаясь «перезагрузить систему».

Социальный рейтинг. Не абстрактная идея, а работающий алгоритм. Каждое действие, каждое слово, каждый вздох оценивается и влияет на текущий статус. Высокий рейтинг — доступ к чистому воздуху, личным апартаментам, лучшей еде. Низкий — жизнь в канализационных коллекторах и рабский труд на ту или иную корпорацию.

Я открыл глаза. Интерфейс исчез. В палате тихо. Я под-

нял руку — обычную, из плоти и крови, разве что с кистевыми имплантами внутри. Я мог согнуть стойки кровати, переломить монету между большим и указательным пальцем и пробить им же чью-нибудь черепную коробку. Рука немного дрожала.

Кижевский и ему подобные видели в моём опыте лишь сокровищницу прорывных идей. Что они там хотели? Нейроинтерфейсы для ускорения работы программистов, биометрию для тотального контроля, социальные рейтинги для повышения эффективности общества? Они не видели той пропасти, на краю которой я стоял. Они не понимали, что каждое улучшение — это шаг в бездну.

Ну вот, опять на пафос потянуло. Это что, тоже последствия травмы?

Дверь открылась, и вошёл пожилой врач. Видимо, тот самый невролог, который, по словам Кижевского, не увидел у меня ничего страшного.

— Тимур, мне сказали, что вы отказываетесь от МРТ? — спросил он, подходя ко мне. — Где-то я вас понимаю, но ваши опасения, скорее всего, напрасны. Рентгенографическое исследование не показало у вас никаких осколков. Современное оборудование...

— Нет, — перебил я его. На этот раз голос прозвучал твёрже. Я смотрел ему прямо в глаза, и, кажется, он увидел в моём взгляде нечто, что заставило его замереть. Не угрозу. Не злость. Пустоту. — Я не даю согласия на МРТ. Офици-

ально зафиксируйте мой отказ в истории болезни.

Врач попытался настаивать, но его пыл быстро угас. Я в своём праве. Возможно, он списал моё упрямство за счёт посттравматического синдрома или природной скудости мышления. Он явно рассчитывал ещё вернуться к этому разговору, а пока развёл руками.

— Ну, как знаете. Но тогда ответственность за возможные последствия...

— ...всецело ложится на меня, — закончил за него я. — Полностью осознаю.

Когда врач ушёл, я снова закрыл глаза. Список для Кижевского. Ну, что ж. Попробую составить его как смогу. Но это получится совсем не тот список технологий, который от меня ждут. Это станет предупреждением. Инструкцией по выживанию. Рассказом про то, как человечество, одержимое прогрессом, построило себе цифровой загон, вообразив, что это и есть рай.

А пока требовалось научиться дышать без фильтров, очищающих воздух от промышленной взвеси. Слышать без аудиофильтров, отсекающих навязчивый рекламный спам. Видеть без социального импланта, выделяющего цели и оценивающего угрозы. Здесь такое не работало. Зато действовали мои кистевые импланты, я проверял.

Этот был мой старый мир, пропахший отработанным бензином, антисептиком и опасностью. Он вдруг показался шумным, несовершенным, удивительно хрупким и каким-то

очень неуютным. В этом мире теперь надо жить, как-то приспособливаться и обустраиваться.

Глава 3. Я вслушивался в тишину своего прежнего мира

Я вслушивался в тишину своего прежнего мира. Настоящую, не цифровую. Никакого постоянного гула сетевого трафика, никакого навязчивого шепота рекламного нейроспама. Только мерный писк аппарата за перегородкой и отдаленные шаги. Эта тишина была хрупкой, и я знал, что долго она не продлится.

Мне нужно было провести инвентаризацию собственных возможностей. Не для Кижевского, для себя. Что я принес с собой из того мира, кроме воспоминаний?

Я снова закрыл глаза, на этот раз даже не пытаясь вызвать интерфейс, а просто сосредоточившись на внутренних ощущениях. Похоже, социальный имплант перешел в аварийный, пассивный режим. Я чувствовал его фантомное присутствие — легкое давление, едва уловимое ощущение инородного тела. Он по-прежнему жив, питался от моей собственной биохимии, и это стало моей большой проблемой. В Городе он служил и удостоверением личности, и кошельком, и ключом. Здесь он стал бесполезен. Хуже того — опасен. Любой сканер, настроенный на определенные частоты, мог его обнаружить. Мне повезло, что в этой больнице использовалось оборудование каменного века.

И самое страшное — квантовый сопроцессор. Микроскопический чип. Он не хранил данных, он ускорял мышление, позволял проводить молниеносные симуляции, предсказывать действия противника. Именно он делал из меня первоклассного охотника за головами. И именно он, при неправильной стимуляции, мог сжечь нейроны, как перегруженная проводка.

Пошевелить им я не мог, но мог оценить ущерб. Когнитивные функции на 67%. Мысли текли вязко, как патока. В Городе я бы уже проанализировал тысячу сценариев побега. Сейчас с трудом мог удержать в голове три пункта плана.

План казался простым. Избегать любой сложной диагностики. Выйти из больницы как можно скорее. Найти способ полностью отключить импланты либо заэкранировать их от обнаружения.

Шаги за дверью прервали мои размышления. Не легкие шажки медсестры, а твердые, размеренные. Двое. Один тяжелее другого.

Дверь открылась без стука. На пороге стоял Кижевский, а за его спиной маячил незнакомый мужчина в строгом сером костюме. У него был абсолютно пустой, каменный взгляд, который я видел лишь у корпоративных киллеров высшего эшелона. Он не носил оружие напоказ, но его поза, готовность и всё остальное буквально кричало о профессионализме.

— Ну что, Тим, полегчало? — без предисловий спросил

Кижевский. — Голова не болит?

— Приветствую, — пробормотал я. — Еще кружится.

— Это пройдет. Знакомьтесь: Михаил Игоревич. Наш технический специалист. Он поможет вам структурировать информацию.

Михаил Игоревич молча кивнул. Его глаза медленно скользнули по мне, по капельнице, по мониторам, словно сканируя местность. Я почувствовал легкий, едва заметный зуд в затылке. Имплант среагировал. Почуял угрозу.

Этот «технический специалист» был профессиональным палачом. Человеком, который под предлогом помощи выбьет из меня все, что я знаю.

— Как раз начал обдумывать, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал слабо и устало. — Но все как в тумане. Нужно время.

— Времени нет, — холодно парировал Кижевский. — Мир не стоит на месте. Наши конкуренты не дремлют. Любая мелочь может быть важна. Даже то, как там починили сломанные конечности или как сработали их системы видеонаблюдения.

Михаил Игоревич сделал шаг вперед. Он достал из внутреннего кармана пиджака не блокнот, а тонкий планшет с матовым черным экраном.

— Начнем с общего, — его голос звучал ровно, без эмоций, как у синтезатора речи. — Уровень развития. Сравните с нашим.

Это был тест. Проверка на вменяемость, на честность и на вшивость.

— Сложно сравнивать, — я медленно провел рукой по лицу. — Они ушли не вперед, а в сторону. В глухой тупик. Да, у них там были летающие машины, нейроинтерфейсы, кибернетические протезы. Всем управлял искусственный интеллект. Но все это доступно лишь верхним десяти процентам. Остальные жили в антисанитарии, дышали отравленным воздухом и работали за пайку, которую выдавала корпорация. Их технологии — это технологии контроля. Подавления. А не прогресса.

Кижевский усмехнулся.

— Вы говорите какими-то штампами. Все технологии изначально создаются для контроля, Тимур. Огонь согревал, но им же и жгли, но это не повод от него отказываться. Приведите конкретные примеры.

Мой взгляд упал на планшет в руках Михаила Игоревича.

— Ну... например, их устройства ввода. Они отказались от привычных нам клавиатур, мышей и тачскринов. Использовали жесты в воздухе, голографические интерфейсы. Клавиатуры, если и есть, то только виртуальные.

Я старался почти не лгать. Ложь должна быть очень близка к правде, но оставаться безопасной. Жестовые интерфейсы были примитивным прошлым и для их мира.

Михаил Игоревич поднял глаза от планшета. Его взгляд показался тяжелым, буравящим.

— Интересно, — произнес он. — А как решалась проблема паразитных сигналов? Дрожи в руках, неточности?

Зуд в затылке усилился. Сопроцессор, работая на минимальной мощности, просимулировал мне возможные варианты ответов. Этот человек оказался не просто технарем. Он задавал слишком точные, каверзные вопросы.

— Я не инженер, — развел я руками, изображая беспомощность. — Я всего лишь пользователь. Надел перчатку — и работал. Как оно устроено там внутри, не вникал.

В палате повисла неловкая пауза. Кижевский смотрел на меня с легким разочарованием. Михаил Игоревич — с безразличным подозрением.

— Хорошо, — наконец сказал Кижевский. — Отдыхайте пока. Вспоминайте. Мы еще вернемся к этому разговору. Михаил Игоревич подготовит для вас более конкретные вопросы и анкету.

Они вышли, оставив меня в холодном поту. Это была лишь первая разведка. В следующий раз надавят сильнее. Принесут аппаратуру. И тогда мои импланты, молчаливые свидетели из другого мира, выдадут меня с головой.

Я не мог больше лежать просто так. Постельный режим? Это не приговор.

Я посмотрел на капельницу. Обычный физраствор с какими-то добавками. Я аккуратно вытащил иглу из вены и прижал пластырь. Затем отключил себя от монитора, снял с пальца датчик пульса. Аппарат запищал, но я его просто

выключил.

Ноги оказались ватными, пол под ними поплыл. Чуть больше половины от моей обычной формы. Более чем достаточно.

Нужно выбираться отсюда. Прямо сейчас. Пока они не прислали «технического специалиста» с настоящим сканером. Они раздели меня до гола, не было даже той больничной рубашки, в какие одевают пациентов. Ни халата нет, ничего. Я подошел к шкафу, где по идее полагалось висеть моей одежде. Простые джинсы, рубашка, куртка. Одевался, а пальцы, привыкшие к тактильной отдаче от умной ткани, скользили по грубой материи.

В кармане куртки я нашел то, на что бессознательно надеялся. Тощую пачку купюр и старый телефон-звонилку. Без сенсорного дисплея, с механическими кнопками и монохромным экраном. Не смартфон, а простой сотовый «бабушкофон». Подарок ушедшей эпохи. Я включил его. Батарея оказалась почти полной.

Оставался последний шаг. Самый рискованный. Нужно пройти мимо поста медсестры и не вызвать подозрений. Мои импланты здесь бесполезны. Приходилось полагаться на старые, забытые навыки и на человеческую хитрость.

Я вышел в коридор, пошатываясь и хватаясь рукой за стену. Делал вид, что у меня кружится голова. Медсестра за столом, та самая, румяная, посмотрела на меня с беспокойством.

— Вам нельзя вставать! — бросилась она ко мне.

— В туалет, — прохрипел я. — Просто пописать. Это я могу.

Она поверила, и слава богу, а то пациент поднялся с постели и для этого облачился в джинсы, рубашку и куртку. Она даже помогла подойти к двери. Я зашел внутрь, заперся и глубоко вздохнул. Окно. Оно оказалось небольшим, но мне хватило бы и меньшего. Я тихо открыл его. Свежий, холодный воздух ударил в лицо. Внизу, в трех метрах, виднелся газон.

Я вылез на внешний подоконник, почувствовав, как мышцы спины протестуют против непривычной нагрузки. И прыгнул. Прыжок в неизвестность. Прыжок назад, в свой собственный, непредсказуемый мир. Но это казалось единственным путём.

Приземление получилось мягким, как меня обучал инструктор. Я покатился по мокрой траве, вскочил и, не оглядываясь, зашагал прочь от больницы, сливаясь с наступающими сумерками.

У меня телефон в кармане. Он же маячок. В голове — знание, как человечество может ошибиться. И тихий, навязчивый зуд в затылке, напоминавший, что прошлое так просто не отпускает. Оно всегда внутри.

Я шагал по темным улицам, стараясь держаться в тени. Каждый звук — отдаленный гул машины, чей-то смех из открытого окна — заставлял меня вздрагивать. Инстинкты, от-

точенные в мире, где любая тень могла скрывать кибер-убийцу, кричали об опасности. Но здесь опасность была другого рода. Более приземленной, но от этого не менее реальной.

Я вошел в первый же попавшийся круглосуточный магазин с вывеской «Продукты». Запах свежей выпечки, дешевого кофе и зелени. Концентрат нормальности. Купил бутылку воды и пачку пирожков. Кассир, сонный парень с наушниками, даже не взглянул на меня. Я для него просто еще один ночной посетитель.

Вышел на улицу, нашел самый грязный и темный переулок, сел на корточки у стены и вскрыл целлофановую упаковку. Пирожки. В Городе натуральный хлеб считался роскошью, доступной лишь топ-менеджерам корпораций. Остальные потребляли синтетические заменители. Я с наслаждением запустил зубы в мягкое тесто. Оно приятно раздражало вкусовые рецепторы.

Достал телефон. Несложная проверка мобильного счёта показала, что там триста рублей на счету. Примитивное сотовое чудо. Никакого нейроинтерфейса, никакого отслеживания. Просто голос в эфире. Кого я мог позвать? Друзей? За годы моего отсутствия они наверняка обзавелись семьями, карьерами, забыли меня. Многие уехали. Семья? Родители давно похоронены, и слава богу. Они не увидят, во что я превратился.

В голове, словно всплывающее окно с пометкой «СИСТЕМНАЯ РЕКОМЕНДАЦИЯ», возникло имя: «Леха Бо-

рода». Бороды у него никогда не было, как и волос на голове. Не друг. Не коллега. Гениальный самоучка-электронщик, айтишник божьей милостью, который в свое время собирал из хлама устройства, способные обходить любые корпоративные защиты. Он был параноиком, циником и торговал информацией, но у него имелся свой кодекс чести. И он не любил власть — ни государственную, ни корпоративную, ни бандитскую. Вообще никакую.

Набрал номер по памяти. Память, усиленная имплантом, работала безотказно. Послышались длинные гудки. Я готовился положить трубку, но на седьмом гудке там ответили.

— Алло? — хриплый, сонный голос. В нем не было ни капли удивления. — Чё надо?

— Леха. Это я. Тимур.

Молчание. Я слышал, как он зажигает сигарету и затягивается ею.

— Тим? Ты что ли? Говорили, ты в королевство Бутан слинял, от системной жизни ушёл, — наконец процедил он. В его голосе не было никакой радости.

— В командировке был. Вернулся.

— И сразу ко мне. Дела, значит. Какие?

— Консультация нужна. По... железу. Очень специфическому. И помощь с жильем. На пару дней.

— Ты в бегах что ли? — спросил он прямо.

— Можно и так сказать.

— От кого?

— От бывших работодателей.

Леха снова помолчал. На этот раз пауза получилась больше.

— Ладно. Помнишь старую котельную в Проектируемом проезде? Жду там через час. И, Тимур... это... — его голос стал жестким. — Если за тобой хвост, я тебя сдам, сразу предупреждаю. Мне на покой пора, а не в тюрьму.

— Хвоста за мной нет. В тюрьму никто тебя не отправит. Тут другое.

— Увидим. Жду через час.

Я выбросил звонилку в ближайшие кусты. Больше она мне не понадобится. Через сорок минут уже стоял перед ржавыми воротами заброшенного, предназначенного на снос предприятия. Нашел дыру в заборе и протиснулся внутрь.

Котельная оказалась темным кирпичным сараем. Логично. У Лехи всегда было чутье на места, которые не фигурировали ни в каких официальных реестрах. Я осмотрелся и двинулся в путь, стараясь идти не спеша, постоянно меняя направление, заглядывая в витрины, чтобы проверить в отражении, нет ли слежки. Старые привычки умирают последними. В дальнем углу, под единственной тусклой лампочкой-переноской, сидел человек. Леха. Он почти не изменился. Та же лысая, как бильярдный шар, голова.

Перед ним на столе, заваленном паяльниками, тестерами, микросхемами и проводами, лежал странный прибор, напоминающий старый советский осциллограф, но с кучей само-

дельных модулей.

— Ближе подойди, — скомандовал Леха, не глядя на меня. — И вот сюда встань.

Я сделал шаг, и он резко поднял руку с каким-то устройством, похожим на пистолет с антенной.

— Стой. Не шевелись.

Он нажал кнопку. Прибор запищал. Леха посмотрел на дисплей, и его брови поползли вверх.

— Вот черт... — пробормотал он. — Так и знал. За тобой не просто хвост. У тебя, друг мой, в голове целый комбинат бытового обслуживания.

Он повернул ко мне экран своего самодельного сканера. На нем пульсировало несколько разноцветных точек.

— Биометка, активная. Какой-то маячок, пассивный режим, но излучение есть. И что-то еще... что-то очень странное, глубокое. Квантовые флуктуации, что ли. Блин. Тимур, что это? Откуда ты всё это приволок?

Я глубоко вздохнул. Лгать Лехе абсолютно бесполезно и бессмысленно. Он уже все увидел.

— Оттуда, Лех. Из той командировки.

Он опустил сканер и долго смотрел на меня. Его глаза, умные и пронзительные, изучали мое лицо, позу, дрожь в руках.

— Рассказывай, — коротко бросил он, усаживаясь обратно на свой ящик. — Всё. С самого начала. Только не ври.

И я рассказал. О Кижевском. О Городе. О корпорациях. О

киберимплантах. О социальных рейтингах. О том, как технологии, созданные для освобождения, превратились в идеальные оковы. Я говорил без прикрас, и мои слова повисали в холодном воздухе котельной, звуча как бред сумасшедшего. В качестве демонстрации возможностей своих кистевых имплантов я взял какую-то ржавую железную трубку и смял её, как картонную втулку от туалетной бумаги.

Леха впечатлился. Он слушал, не перебивая. Он курил, его лицо оставалось непроницаемым. Когда я закончил, он еще с минуту молча смотрел в потолок. Я так и не понял, поверил ли он мне или нет.

— Так, — выдохнул он наконец, туша окурок о стол. — Значит, будущее — это дерьмо. Не будущее? Параллельный мир? Значит, ещё большее дерьмо. Ничего удивительного. А теперь главный вопрос. Твои здешние начальнички... они хотят это дерьмо сюда перетащить? Построить здесь и сейчас, да?

— Типа того. Они хотят доступ к технологиям. Контроль. Они видят только силу. Цену не видят.

Леха кивнул. Он встал, прошелся по своему импровизированному цеху, погладил лысый череп.

— Ладно. Значит, так. Первое — твои игрушки нужно глушить, тут без вариантов. Пока ты их не контролируешь, они контролируют тебя. Я могу собрать портативный глушитель. Будешь с собой таскать. Второе — твою метку придется удалить. Это проще простого. А вот с этим, — он ткнул

пальцем в мою голову, — с той штуковиной сложновато будет. Его нельзя просто так вырубить. Он вшит в нейронные связи. Резкое отключение может сделать тебя овощем. Ну и последнее. Эту свою звонилку оставь где-нибудь. Там наш местный жучок.

— Уже оставил. Что предлагаешь?

— Предлагаю изучить. Найти способ приручить твои штучки. Чтобы они служил тебе, а не выдавали тебя. Но это время. И риски.

— Я согласен.

— И ещё одно, — Леха посмотрел на меня прямо. — Твои работодатели в покое тебя не оставят. Они уже ищут, не сомневайся. У них есть твоя ДНК, нейро-отпечаток. Частоты излучения твоих имплантов, ещё всякое. Им не нужен твой телефон, чтобы найти тебя. Им просканировать эфир достаточно.

Он подошел к грудe хлама и вытащил оттуда старый, потрепанный армейский рюкзак.

— Вот. Мои старые «кочевые» приборы. Глушилки, сканеры, парочка «жучков» для прослушки, которые можно переделать в детекторы слежки. Ты разберёшься. А ещё оружие.

Он достал из рюкзака короткий, похожий на игрушечный, пистолет.

— Вот. Самопал. Он не убивает. Электрошокер. Останавливает секунд на десять. Дальше — твои проблемы. Да, у те-

бя деньги-то есть?

Я помотал головой. От тех купюр, что обнаружались в кармане, почти ничего не осталось после посещения магазина.

— Тогда — на. — Он протянул мне несколько бумажек. — Больше не дам, вернёшь, когда сможешь. В свою квартиру не заходи, даже близко не появляйся. Там в первую очередь будут тебя ждать.

Я взял рюкзак. Он показался тяжелым. Реальным.

— Почему мне помогаешь? — спросил я. — Сам же сказал — на покой пора.

Он усмехнулся, впервые за весь вечер. Его усмешка была похожа на скрип ржавой двери.

— Потому что я, в отличие от твоих начальников, вижу цену. И мне мой старый, убогий, но привычный мир дороже, чем тот, эффективный и стерильный. — Он повернулся к своим приборам. — А теперь вали отсюда. У меня работа срочная. Через два дня зайди, если уцелеешь. Будут первые образцы. Но с жильём я тебе не помощник. Сам ищи. И... это. Будь осторожнее. Они близко, я чувствую.

Я вышел из котельной с тяжелым рюкзаком за плечами. У меня не было дома, не было плана, не было будущего. Почти не было денег. Зато у меня было оружие, приборы и союзник. Появилось знание. А ещё тихий, навязчивый зуд в затылке, который теперь стал чуть тише. словно эхо из будущего, которое я постараюсь не допустить.

Глава 4. На остановке

На остановке автобуса народу почти не оказалось. Поздно, темно. Я стоял и не знал, куда податься. Если верить моему «работодателю», квартира моя в абсолютном порядке. Но при сложившихся обстоятельствах полное безумие соваться туда.

Мои тоскливые размышления прервал звонкий голос:

— Тимур? Это в натуре ты или не ты?

Я повернулся. Передо мной стояла моя бывшая одногруппница — Маринка Белявцева, девушка, за которой я безуспешно пытался ухаживать в универе.

— О, привет!

— Говорили, ты куда-то свалил. То ли в Тибет, то ли в Непал.

— В королевство Бутан, — озвучил я свою официальную легенду. — В командировке был. Вернулся недавно.

Маринка почти не изменилась. Тот же озорной разрез глаз, та же привычка теревить кончик шарфа. Она смотрела на меня с любопытством, что и десять лет назад. Но теперь в ее глазах не было студенческого легкомыслия — лишь взрослая, слегка уставшая внимательность.

— Бутан? — удивилась она. — Серьёзно? А я-то думала, ты в каком-нибудь техно-трипе, в тамошней Кремниевой долине.

Горькая ирония отозвалась эхом в моей голове. Мне вдруг безумно захотелось вернуться назад, в Город. Я сам не заметил, как привязался к тому безумному миру победившего киберпанка.

— Нет, — выдавил я улыбку. — Там... ближе к небу. Горы. Монастыри.

Я ощутил, как под курткой по спине стекает холодная капля пота. Встреча с прошлым была последним, чего я сейчас хотел. Каждая лишняя секунда здесь делала меня уязвимее.

— А ты как? — спросил я, чтобы перевести тему, одновременно сканируя периметр взглядом. Пустая улица, пара машин в отдалении. Пока чисто.

— Я? Супер. Работаю тут недалеко, в архитектурной мастерской. Мы часто до ночи засиживаемся. Живу в том же районе, помнишь? Еду домой.

Она указала рукой в сторону, противоположную той, куда я собирался идти. В ее глазах мелькнуло что-то неуверенное, почти жалостливое.

— Слушай, Тимур, ты выглядишь... будто только из больницы выписался. Или сбежал оттуда. У тебя всё в порядке? Может, подбросить? У меня тачка рядом.

Имплант, работавший на фоновом уровне, мгновенно проанализировал риски. Отказ — вызовет подозрения. Согласие — приведет в ее дом, поставит под удар. Вероятность слежки — 34%. Вероятность, что она связана с Кижевским — 0.8%. Низкая. Но не ноль.

— Я... — я снова провел рукой по лицу, на этот раз не притворяясь. Усталость была настоящей. — Знаешь, я бы не отказался от чашки кофе. Если, конечно, ты не против.

Ее лицо просияло.

— Конечно! Поехали ко мне. Я как раз хотела открыть пачку кофе, которую привезла из Италии.

Мы сели в ее небольшую аккуратную машину. Обычную, корейскую, каких великое множество на просторах Руси. Пока Маринка вела, я смотрел в окно, чувствуя, как тяжелый рюкзак с оборудованием Лехи давит на колени. Абсурд. Я, кибернетический солдат из антиутопии, еду пить кофе с девушкой из своего прошлого.

Маринка жила в современной одноподъездной башне, весь первый этаж которой занимал магазин. То ли он еще не открылся, то ли сменил хозяина и делал ремонт. За огромными витринными окнами было светло, внутри виднелся строительный мусор и оборудование.

Ее квартира оказалась примерно такой, как я и ожидал: уютный хаос из книг по архитектуре, разбросанных эскизов, комнатных растений и приглушенного света торшера. В углу — столик с ноутбуком и принтером. Никаких голографических интерфейсов, никаких сенсорных панелей. Только дерево, бумага и ткань.

— Проходи, располагайся, — сказала Маринка, снимая свой шарфик. — Сейчас всё будет.

Я незаметно поставил рюкзак у двери и прошел в гости-

ную. Мое тело, привыкшее к стерильным кабинетам и боевым позам, с трудом расслаблялось в мягком кресле.

Пока она возилась на кухне, я провел быстрый осмотр. Окно выходило во двор. Одна стена — несущая, сигнал будет плохо проходить. В целом, неплохое место, чтобы переждать ночь.

— Вот, пробуй, — Маринка поставила передо мной две чашки с дымящимся черным кофе. Она села напротив, поджав под себя ноги, и внимательно посмотрела на меня. — Так. Теперь правду рассказывай. На Бутан ты не похож. Скорее, на человека, который прошел через ад.

Я взял чашку. Пар обжигал лицо. Простая, физическая боль была приятным отвлечением.

— Ад — это громко сказано, — я сделал глоток. Горький, настоящий. — Просто командировка выдалась сложной. Очень. Я подписал документ о неразглашении, так что прости.

Мы помолчали. Тишину нарушали только тикающие часы.

— Знаешь, — сказала она тихо, — после универа о тебе почти никто ничего не слышал. Ты просто испарился. Я даже иногда думала... ну, короче, я рада, что ты живой.

В ее голосе была неподдельная теплота. И что-то еще, что заставило мой атрофированный эмоциональный центр дрогнуть. В Городе не было места такой простой, человеческой заботе.

— Марин, — начал я, глядя на дно чашки. — Ты не могла бы... я знаю, это странно просить... но можно я переночую у тебя? Сегодня. Только сегодня.

Я ждал отказа, недоуменных вопросов. Но она лишь внимательно посмотрела на меня, и в ее глазах я прочитал не страх, а понимание.

— Да без проблем, — просто сказала она. — Диван раскладной, полотенца в шкафу. Но предупреждаю: утром в семь включаю Моцарта. Не пугайся.

— Спасибо. Я очень уважаю Моцарта.

— Окей, — она встала. — Я пошла спать. А ты располагайся тут.

Она вышла из комнаты, а я остался сидеть в кресле, слушая, как она ходит по спальне. Этот простой, бытовой звук действовал умиротворяюще. Но расслабляться было нельзя.

Я тихо встал, подошел к рюкзаку и достал один из приборов Лехи — небольшой черный коробок с антенной. Глушилку. Я включил ее и спрятал за книжной полкой. Тихий, почти неслышный писк подтвердил, что устройство работает. Теперь мои импланты не будут выдавать мое нахождение.

Вернулся в кресло. За окном начался мелкий дождь. В этой уютной квартире мир снова казался нормальным. Но я-то знал, что это временная иллюзия.

Я сидел в темноте, слушая, как за стеной стихают ночные звуки. Сначала шаги, потом шум воды, наконец — тишина. Маринка легла спать. Я остался один наедине с призраками

в своей голове и тяжелым рюкзаком у ног.

Глушилка работала. Давление в затылке ослабло. Впервые за долгое время я смог думать, а не просто реагировать. И первая мысль оказалась пугающе простой: я поставил под удар невинного человека.

Мой имплант, даже заглушенный, проанализировал ситуацию. Вероятность обнаружения в течение 24 часов: 68%. Вероятность применения силы: 91%. Вероятность того, что Маринка получит травму: 47%. Сухие, безжалостные цифры. Я не мог этого допустить.

Бесшумно встал и подошел к окну. Дождь усиливался, превращая огни города в размытые пятна. Идеальная погода, чтобы исчезнуть. Решил дождаться рассвета и уйти, пока Маринка спит. Оставить записку.

Именно в этот момент я увидел его.

Напротив, в окне темной квартиры, мелькнул огонек. Один раз, потом еще. Слишком ровный, слишком ритмичный, чтобы быть случайным. Светодиодный маячок. Сигнал. Обнаружен.

Адреналин ударил в голову. Я резко отпрянул от окна. Инстинкты, вбитые инструктором, проснулись мгновенно. Не паника. Анализ.

Я пригнулся, подполз к рюкзаку и вытащил сканер Лехи. Показания были чистыми. Никаких дронов-шпионов. Значит, работали старомодными методами. Наблюдение.

Я подполз к двери, прильнул к глазку. Коридор пуст.

Слишком пуст. Слишком тих. Они уже здесь. В подъезде. Возможно, на крыше. Ждут команды.

Варианты проносились в голове со скоростью мысли.

Попытка прорыва через входную дверь бессмысленна.

Баррикадироваться бесполезно.

Побег через окно — на крайний случай.

Оставался отчаянный план. Он давал хоть какой-то шанс — и мне, и Маринке. Я начал собирать оборудование Лехи. Портативный глушитель, сканер эфира. Нужно было развернуть здесь операционный центр. На несколько минут.

Потом я подошел к двери в ее спальню и тихо постучал.

— Марин, — позвал я шепотом. — Не спишь?

Через мгновение дверь приоткрылась. Она стояла в пижа-ме, с испуганными, сонными глазами.

— Тимур? Что случилось?

— Одевайся. Быстро. Выходи сюда.

Она не спорила. Что-то прочитала на моем лице и пове-рила сразу же. Через минуту вернулась в джинсах и свитере, лицо бледное.

— Что происходит?

— Пришли гости. Ко мне. Они уже в доме.

Она схватилась за косяк двери, глаза расширились от ужа-са.

— Боже... Полицию нужно вызвать!

— Полиция не поможет. Они уже здесь. Слушай внима-тельно. У нас есть шанс. Я остаюсь. А ты должна временно

уйти.

— Как? Они же снаружи!

— Через черный ход. Служебный лифт. В подвале есть выход в соседний двор.

Я достал из рюкзака инъекционный пистолет и сунул ей в руку.

— Возьми. Это электрошокер. Если кто-то встанет на твоём пути, целясь в грудь и нажимай. Не думай. Ты сможешь!

Я сжал ее руку.

— Всё получится. Иди в подвал, выйди на улицу и уходи. Не возвращайся до утра. Потом звони в полицию, говори, что в твоей квартире неизвестные. Ты ничего не знаешь. Поняла?

Слезы выступили у нее на глазах, но она кивнула.

— А ты?..

— Задержу их, отобьюсь и уйду потом. Теперь иди и не оглядывайся.

Она посмотрела на меня в последний раз — взгляд, в котором смешались страх, непонимание и надежда. Потом развернулась и ушла.

Я остался один. Глубоко вздохнул, чувствуя, как меня накрывает холодная ясность. Подошел ко входной двери, отпер ее. Зачем сопротивляться неизбежному?

Потом вернулся в центр гостиной, сел на пол спиной ко входу, скрестил ноги, положил руки на колени. Закрыв глаза и начал ждать. Как монах в своем последнем медитативном

зале.

Скрип шагов в коридоре стал громче. Они подходили. Несколько пар ног. Профессионалы.

Дверь бесшумно отворилась. Я не шевельнулся. Шаги за спиной. Осторожные, расходящиеся веером. Трое.

— Не двигаться, — раздался ровный голос Михаила Игоревича. — Руки за голову.

Я медленно поднял руки и сложил их на затылке.

— Встань, — скомандовал другой голос.

И в этот момент я мысленно нажал на спусковой крючок. Мир взорвался. Не физический. Цифровой. Огненная волна боли прокатилась по мозгу. Перед внутренним взором вспыхнул свет, заливая сознание потоками данных. Термальное изображение комнаты. Биометрические показатели трех целей. Схема здания.

Я не видел их глазами. Я чувствовал их. Каждое движение, каждый вздох. Рванулся с места, ведомый сверхчеловеческой реакцией импланта. Кувырок в сторону, рывок за спинку дивана.

Прозвучал первый выстрел. Глухой, с подавителем. Пуля впилась в пол там, где я был секунду назад.

Мое сознание разделилось. Одна часть металась в панике. Другая, машинная, холодно обрабатывала данные. Я вынырнул из-за укрытия, швырнув наушник от сканера в сторону цели номер три. Он инстинктивно отшатнулся. Этой секунды хватило. Удар ребром ладони в горло цели номер два. Он

рухнул. Рывок на себя, его же рука с пистолетом теперь была направлена на цель номер три.

Выстрел. Третий оперативник вскрикнул, хватаясь за плечо. Оставался Михаил Игоревич. Он не стрелял. Стоял и смотрел на меня с почти научным интересом.

— Так вот ты какой, — произнес он задумчиво. — Настоящий.

Он достал из-под пиджака не оружие, а небольшой цилиндр с антенной. Другой глушитель.

— Сбой в работе системы, — сказал он, нажимая кнопку.

Мой мир снова обвалился. Боль, на этот раз невыносимая, пронзила череп. Я рухнул на пол, корчась в конвульсиях, чувствуя, как квантовый сопроцессор перегревается. Из горла вырывались хриплые, животные звуки.

Михаил Игоревич медленно подошел ко мне.

— Ошибка, Тимур. Большая ошибка — пытаться играть не по своим правилам.

Он наклонился, чтобы надеть наручники.

И в этот момент откуда-то раздался оглушительный вопль.

Михаил Игоревич на секунду отвлекся. Этого хватило. Человеческий компонент моего сознания, загнанный в угол, совершил последний рывок. Сквозь боль, сквозь цифровой хаос, я из последних сил рванулся к окну.

Я не думал о пятом этаже. Хотел отвлечь их, дать Маринке время убежать. С разбегу вынес оконную раму и полетел

вниз, в промокшую темноту.

Пять этажей. Пятнадцать метров. В Городе прыгивал и с тридцати. Здесь не было усилителей, только старые навыки, тренировками вбитые в мышцы, и отчаянная надежда.

Я сгруппировался в полете. Ударился о козырек над магазином, почувствовал, как пластик трескается. Затем — удар о землю. Перекатился через плечо и вскочил на одно колено.

Боль. Острая, в правой лодыжке и левом плече. Ничего критичного, но вывих, а может и трещина.

Сверху слышались ругательства. У меня не больше минуты.

Я рванул с места, припадая на ногу, и побежал вглубь двора. Позади хлопнула дверь подъезда. Быстрые шаги. Они спустились.

Я нырнул за куст, прижался к мокрой земле. Мой имплант, задавленный глушилкой, молчал. Приходилось полагаться на обычные чувства.

— Двоих — вокруг дома! Остальные — по дворам! Далеко не ушел, вероятно, ранен!

Голос Михаила Игоревича. Спокойный, как всегда. Фонари выхватывали из темноты лужи, скамейки. Луч скользнул по кустам в паре метров от меня. Я вжался в землю.

«Упрям, как ржавый болт». Слова инструктора всплыли сами собой. Упрямство. Желание выжить любой ценой.

Шаги затихли, рассредоточившись по двору. Они прочесывали территорию по стандартной схеме. Как роботы. В

этом была их слабость.

Потом до меня донесся новый звук. Вой сирены. Не одной. Двух, потом трех. Полиция. Наверное, Маринка вызвала. Во дворе засуетились. Фонари погасли. Шаги затихли. Они отступали.

Я пролежал в грязи еще час, пока сирены не затихли. Только тогда выбрался, мокрый, грязный и разбитый. Боль в лодыжке стала огненной. Плечо ныло. Я посмотрел на окно Маринкиной квартиры. Оно зияло черным квадратом. Надеялся, что с ней все в порядке.

Нужно было убираться отсюда. Они еще вернутся. Я поволок свою искалеченную тушку через двор, опираясь на стены, и скрылся в темноте переулков. У меня не было плана. Не было цели. Было только упрямое желание выжить. Мне была нужна медицинская помощь. Но где тут найти клинику, которая сможет помочь с такими травмами?

Пока я размышлял, рядом притормозила знакомая машина.

— Тимур, — слышался голос Маринки. — Давай сюда. Быстро.

Когда я с некоторым трудом разместил своё мятое тело на пассажирском месте, девушка спросила:

— Йоу, жестко приземлился? — судя по всему, Маринка снова включила свой сленг.

— Хотелось бы помягче, — выдавил я, пытаюсь не показать своего истинного состояния.

— Я в общем-то всё видела. Ты сейчас кто такой вообще?

— Знаешь, давай поедem в какое-нибудь спокойное тихое местечко. Я тебе всё расскажу, а ты потом сама решишь, кто я и что со мной делать.

— Окей, но вали на заднее.

Я пересел, и мы поехали.

— Летим на самый безопасный лоу-кей — на дачу моей подруги. Она в Чайне на год, по работе. Оставила мне ключи от хаты и дачи. В квартиру тебя тащить — не вариант, а дача — то, что надо. Так чё за история-то? Только не заправляй мне о всяких неразглашениях. Не катит.

— Понимаешь, — сказал я, — ты за рулём, а такой разговор — это дикий стресс. Как бы в столб не вписаться. Это твоя тачка?

— Не, Зулина.

— Чья?

— Зули, подруги моей. Она Зульфира, но все её зовут Зуля. Она мне отдала, когда уезжала. Как приедет, собирается новую покупать.

— А дорого сейчас обходится содержание машины?

— Этой? Да не особо. Страховка — двадцать кусков в год. Шины — переобуваю по тысяче за колесо. Штрафы? Ха-ха, я их не плачу. Но если поймают... Эвакуатор — шесть тыр, и потом с тебя счищают по две штуки в день. Я так на десять кусков влетела. А вот мой главный хит — ремонт. Чисто кринж: машина долго стояла, и насчитали полтораши-

ку. Я сказала «нет» и сделала только генератор за сорок кусков. Лайфхак: всегда можно отказаться от ненужного. Мойка? Тыща. Но по говну я редко катаюсь. ДТП? Нет. Людей не сбивала, тут похвастаться нечем. Взятки... тьфу, то есть, на лапу не давала... почти не давала. Короче, если особо не париться, можно и не платить. У меня получается.

— Постой, а расход бензина и масла?

— А что бензин? Заливаю на пятьдесят литров и забываю на месяцы. Я мало езжу. Расход? Масло по идее раз в год, сумму не помню. Вообще не в курсе, не слежу. Живу как дзен-мастер. Зуля не против. Мы как раз на её дачу и гоним.

— А туда никто не подъедет? Типа... Ну, не знаю... Муж там, родня какая-то...

— Не, бро, расслабься. Мужа вообще нет в проекте, а родня туда не ломится. Полный аут.

Некоторое время мы ехали молча. В некоторых местах, ближе к постам гаишников, Маринка просила меня лечь на пол. Кварталы московских окраин сменились пригородом, потом пошли перелески вперемишку с придорожными магазинами, кафешками и автозаправками.

Потом мы свернули на боковую дорогу. Ехали через лес, мимо какого-то озера, мимо дачных заборов и, наконец, прибыли на место.

Глава 5. Дача подруги

Дача подруги представляла собой деревянный дом с мансардой и печной трубой над черепичной двускатной крышей. Ничего особенного. Кое-как я доковылял до этого дома, добрался до указанного места и рухнул на квадратную кровать с ортопедическим матрасом.

Маринка некоторое время с интересом изучала мою расprostертую фигуру.

— Слушай, ты выглядишь так, будто проиграл в хардкорном челлендже.

— Марин, я же говорю, ударился о землю и, по-моему, руку вывихнул.

— Давай, раздевайся. Полный фитчек.

— Чего? Прямо так сразу? Я не могу. К тому же немного не в форме. Рука болит.

— Бро, ты всегда об одном? Не ной. Речь о лечении.

— А ты шаршишь? — удивился я, невольно подхватив её манеру разговора.

— Ещё бы. После школы залетела в мед — отучилась на сеструху. Три года и уже в теме. Так что лови лайфхак: ты в надёжных руках.

— Почему в доки не пошла?

— А зачем? Медсёстры сейчас в топе, да и заносят больше врачей. По факту поняла, что не моё это. Ворочать больных

— не мой вайб. Взяла корочку и свалила в универ. Ты ведь тоже не фанател от цифровой графики? Помню, ты вместо пар по коду сидел. Чуть не вылетел. Так что давай, не жмись. Скидывай с себя всё.

Пришлось подчиниться.

— Оп-па, а ты нехило там подкачался. С тебя прям Аполлона срисовывать можно.

Потом Маринка профессиональным взглядом медика отметила мои импланты, слегка светившиеся под кожей. Некоторое время она изучала их с прищуром, потом отступила на шаг.

— А это уже перебор, бро. Давай, вскрывайся. Кто тебя так заапгрейдил? По-моему, никакого вывиха у тебя нет, а вот это всё... Кстати, ты же обещал объяснить.

Тем временем она начала обрабатывать мои ссадины и синяки.

Я вкратце рассказал Маринке всё: от предложения, от которого нельзя было отказаться, до побега из клиники через туалетное окно. А что ещё мне оставалось?

— Никогда бы не поверила в такой кринж. А чё ещё ты можешь? Типа, мысли читать, левитировать, через стены ходить?

— Нет-нет, ничего такого. А вот часть имплантов почти не пашет, только некоторые. Кистевые, например.

— Вот с этого момента поподробнее, плиз.

— Проще будет показать, — пояснил я. — У тебя есть

что-нибудь крепкое, но совсем ненужное? Что потом выбросить не жалко?

Маринка озадаченно осмотрелась и, недолго думая, взяла толстую пластиковую банку, к крышке которой производители приклеили круглую этикетку: «КАПУСТА квашеная с клюквой».

— Пойдет? Это уж точно никому не понадобится. Вымыла её, а зачем — сама не знаю.

— Любишь квашеную капусту? — задумчиво спросил я и с треском смял банку в небольшой плотный шарик. Демонстрация удалась. Кистевые импланты не подкачали, их сила и точность никуда не делись.

— Офигеть! — Маринка вытаращила глаза на аккуратный пластиковый комочек. — Это ж чистой воды имба! Кидаешь так хуки в уличных драках? Наверняка валишь всех с одного тычка.

Я покачал головой, слегка смущенный её восторгом.

— Драки — не моё. Только редко и по крайней необходимости. Бег и расследования — основные умения. А это... — я покрутил в пальцах пластиковый шарик и кинул его на стол, — просто побочный эффект от не до конца отключенного железа.

Конечно же, я не стал при ней вспоминать, как превратил кулак напавшего на меня хулигана в кровавое месиво.

— Ну это просто адовый криповый талант! — не унилась она. — Представляешь, как можно затащить на та-

ком? Отжимать бабло у рожков, сминать их тачки, если чё? Сплошной треш и угар!

— Марин, — строго посмотрел я на нее. — Давай без уголовщины. Только что получил травмы. Всё болит. Еле-еле сбежал. Не собираюсь по доброй воле гопником становиться.

— Ай-ай-ай, сорян, сорян, — тут же отступила она, размахивая руками. — Не подумала, что тебе это триггернёт. Просто залипла на твоём скилле.

Я не понимал значения некоторых слов, но легко догадывался по контексту. Она взяла оставшийся от банки шарик и принялась его разглядывать.

— Но это же всё равно крашово. Настоящий суперсидж, прям как в рилз на Тик-Токе. Только ты, типа, не в трико, а в потрёпанной куртке. Выглядишь, кстати, максимально по фану, — оценивающе щёлкнула она языком. — Надо тебя зарегать. Снимем бангер — «Сбежавший киборг мнёт банки на фоне убитой хаты». Выстрелим нахер!

Я невольно улыбнулся. Её болтовня, эта смесь жаргона и простодушного цинизма, была странно освежающей после недавнего страха и подозрительности.

— Спасибо, но я — пас. Меня и так, наверное, уже полстраны ищет. Лучше расскажи, что тут у вас про еду? А то после побега через окно в туалете я только салатик и три пирожка съел.

— А, это щас организуем! — Маринка оживилась. — У меня как раз дошик на чёрный день припасён. И соусчик

от какого-то левого бургерного. В холодильнике ещё всякое. Будем рофлить и жрать. Только чур, мою кружку не мни, она моя пре-пре-пре-любимая, с котиком.

Она сунула смятый шарик в карман джинсов.

— Этот артефакт приберу. На память. Когда станешь знаменитым, он будет стоять как крипта.

— Слушай, Марин, а откуда у тебя такой крутой сленг? Ты же на год меня старше, и в универе, насколько помню, ничего такого за тобой не водилось.

— Тебя парит?

— Не то чтобы, но интересно. К тому же некоторых слов и терминов я просто не знаю. А дословный перевод с англиша не даёт ничего. Ну а так — прикольно.

— Ну, тут долгая история, — Маринка потянулась за пачками доширака на полке. — Если в двух словах — это мой личный способ не выпасть из жизни после универа.

Она вскрыла две упаковки, поставила на стол две кружки и жестом пригласила меня к столу.

— Помнишь, как на пятом курсе в глубокий аут ушла? Депрессуха, апатия, всё такое. Соцсети для меня стали сейф-спейсом. А там, в рилз тиктокера, своя атмосфера. Сначала было дико: «че за рофл», «чисто кринж», «это имба или кринж?». Ничего не понимала. Потом втянулась. Это ж как новый язык учить — с головой погружаешься в контекст.

Залив в кружки лапшу кипятком, она хихикнула:

— А еще я на стримы подсела. Один чувак, Данька Ши-

блет, виртуозно смешал уличный сленг с айтишным жаргоном. Подписалась на его видосики. Прямо вокабуляр прокачала. Сначала парилась, что звучу как ботан-реконструктор, но потом поняла. Главное — не слова, а настроение передавать. Потом сама начала свои видосики выкладывать. Хейтеров в комментах хватает, но пофиг — я в своем ритме. Вот и щас так общаюсь — чтобы обстановку разрядить.

Мне досталась кружка с каким-то мультяшным персонажем. Себе Маринка взяла объёмную посудину с мордой жирного, самодовольного кота. Достала две вилки и продолжила:

— Кстати, если что-то непонятно — просто спрашивай. Объясню на пальцах. Для меня этот язык — как психологическая броня. Когда говоришь на таком, кажется, что все проблемы где-то далеко и не про тебя.

— Договорились, — кивнул я.

— И потом. Сейчас в архитектурной мастерской работаю. Коттеджи и дачи проектируем. Вот эта, кстати, — Маринка стукнула кулачком о стену, — тоже наш проект. Тамошний директор решил сэкономить и нанимает почти одних студентов из архитектурного и строительного. А для тех — практика, да и какое-никакое, а реальное бабло. Самая старая там, прикинь? Начальница типа. Вот и приходится на одном языке с ними разговаривать.

— Проблемы бывают?

— А то. Представляешь, какой кринж? — Маринка с силой размешивала лапшу в кружке. — Прихожу на совеща-

ние, а там сплошь зумеры с айфонами. Говорю: «Ребята, нужно исправить узлы в проекте», а они смотрят как на рептилоида. Пришлось срочно апгрейдить словарный запас. Теперь говорю «чиним баги в чертежах» — и сразу всем всё ясно.

Она с хитрой улыбкой протянула мне одну из кружек.

— Самое убойное, когда клиенты за сорокет приходят. Объясняю им, что проект будет «чисто вайбовый» — а у них глаза по два евро. Приходится переводить на ванильный: «Архитектурный ансамбль выдержан в гармоничной концепции». По сути одно и то же, но звучит так, что никто из них не фигеет.

Маринка с наслаждением хлебнула свой доширак.

— Короче, мой тиктокерский сленг — это такой профессиональный скилл. Без него просто не смогла зайти с этими пацанами. Хотя пару раз чуть не обожглась: сказала бухгалтерше, что её «кринжовый отчет просто гонит». Ну и добавила ещё пару коротких фраз. — Она чуть в обморок не грохнулась. Пришлось объяснять, что это значит «вызывает восхищение своим изяществом и профессионализмом, но требует небольшой доработки».

Она вдруг серьезно посмотрела на меня.

— А тебе-то проще теперь со мной? Или звучу как инопланетянка?

— Нет, что ты, — я отпил бульон из своей кружки. — Даже наоборот. После всех этих... лабораторий, протоколов,

врачей и медкарт — твоя речь как глоток свежего морса в жару. Пусть и не всегда понятно.

— Ну, если что — я твой бесплатный онлайн-переводчик, — щелкнула пальцами Маринка. — Кстати, насчёт лабораторий... Ты сейчас тупо в бегах, или есть какой-то план? Просто сидеть тут — не вариант.

Я вздохнул, отставив кружку. Лапша оказалась на удивление вкусной.

— План? Было одно место. Там старый друг. Но сейчас до него не добраться, а все мои документы, деньги и связь остались там. Я как лист — куда ветер, туда и я.

Маринка прищурилась, явно что-то обдумывая.

— Слушай, а ведь это же чисто квест! — вдруг оживилась она. — «Спассти забогованного киборга». У меня же есть подруга-хакер, она умеет фиксить любые системы. Можем замутить операцию «Апгрейд»!

— Марин, лучше не надо, — я устало покачал головой. — Вообще-то «киборг» у нас — слово запретное и ругательное. Там, откуда я сейчас, за это и убить могут. А вообще... по факту — там все киборги. Иных не держат. У каждого то или иное количество имплантов. Но я не хочу втягивать тебя в свои проблемы. Эти люди не шутят.

— Видела. А мы что, по-твоему, в игрушки играем? — она укоризненно посмотрела на меня. — Ты мне друг, а не рандомный чел из комментов. К тому же, — она хитро улыбнулась, — я уже в теме. Значит, я — соучастник. Так что

от меня теперь не отделаешься. Не чужие как-никак. Спали вместе.

— Ну, начать с того, что спали мы вместе в одной палатке, — уточнил я. — Каждый в своем спальнике. И точно так же с нами рядом спали ещё двое таких же.

— Не суть.

Она достала телефон.

— Ливай из своих грустных мыслей. Сейчас даю пост в телеге: «Нужна помощь по чипу, есть кто в теме?» Закодирую, конечно. Моя подруга — просто бомба в цифрах, она всё поймет с полуслова. Она — Эйнштейн в юбке. А пока... — Маринка ткнула вилкой в мою кружку, — жри свой дошик, пока не остыл. Герою с имплантами тоже нужно топливо.

Я замер с вилкой на полпути ко рту. Её наигранная беспечность была такой же хрупкой, как и моё собственное спокойствие. Но в её словах была та самая искра, которой мне так не хватало все эти месяцы — простая, почти детская уверенность в том, что любую проблему можно решить, если действовать вместе.

— Марин... — начал я, но она резко подняла руку.

— Стоп, стоп, стоп! Никаких благодарностей, — она сделала преувеличенно строгое лицо. — Это просто максимально эгоистичный поступок. Представь, какой крашовый контент можно будет замутить, когда мы их разоблачим! Это же будет просто апогей!

Она уже печатала что-то в телефоне, ее пальцы порхали по экрану.

— Так... Пишу Лерке... — она бормотала себе под нос, — «Есть один чел с кастомным железом. Нужно пробить базу, найти его стафф. Серьёзный челлендж». Отправляю... О, она уже онлайн! Жиза! — Маринка торжествующе подняла палец вверх.

Я смотрел на неё, на этот комок безрассудной энергии, и чувствовал, как камень на душе понемногу становится легче. Она была права. Бегство в одиночку завело меня в тупик.

— Ладно, — сдался я. — Но только осторожно. Очень осторожно.

— Реально! — она фыркнула, не отрываясь от телефона. — Мы же не кринжовые дилетанты, мы — профессионалы своего дела. Но только — каждый своего. Лерка шас всё починит, увидишь. А пока... — она вдруг положила телефон и посмотрела на меня с внезапной серьёзностью. — Расскажи, что за люди тебя преследовали? Как они вообще? Может, запомнил какие-то детали, имена? Всё, что угодно. Любая мелочь может стать ключевой.

И в этот раз в её глазах не было ни шутки, ни бравады. Только серьёзное любопытство.

На другой день стало очевидно, что мои повреждения и ушибы не так просты, как поначалу показалось. Тот удар о козырёк над магазином оказался весьма подлым и дал о себе

знать.

Маринка критически осмотрела мою тушку и помрачнела.

— Я, конечно, не прошариваю за твои импланты на сто процентов, но мне кажется, некоторые светятся уже не так хайпово, а вот тут и тут вообще не светят. Так и задумано?

— Так не задумано, — проворчал я. Чувствовал я себя сильно хуже, чем вчера.

— Тебя, по-хорошему, надо к вашему доктору задвинуть. К тому, кто в этих штуках полный спец и может их починить.

— Сомневаюсь, что здесь такой отыщется.

— Боюсь, ты прав, — Маринка еще больше ушла в негатив. — В Телеге никто не подсказал ничего адекватного. Лерка тоже оказалась не в теме.

— Может, отлежусь ещё, — выдал я без всякой уверенности, и Маринка сразу же это заметила.

— Не вариант. Я вот что подумала. Тебя же этот старик-начальник туда закидывал. Как его? Кижевский, вроде. Надо прийти к нему, взять его на слабо и заставить отправить тебя обратно.

— Игнатий Рустамович Кижевский не так прост. На слабо его не возьмёшь. И потом. Кажется, я сейчас не в том состоянии, чтобы кого-нибудь троллить.

— Окей, но скатать банку в шарик ты еще можешь?

— Это пока могу.

— Вот и зафлексишь перед ним для пущего перформан-

са. Он же не в курсе, насколько ты в ауте. Заявишь, чтобы вернул на прежнее место, а не то — ну, ты понял.

Я попытался выдать что-то вроде «Не уверен, что это работает», но Маринка уже была в режиме полного энтузиазма.

— Вау! Это же чистейший треш-стрим! — воскликнула она, создавая в воздухе воображаемые заголовки. — «Старый лузер против киборга-недоделки: кто кого?» Хайп гарантирован!

— Марин, он не лузер.

Но она не слушала. Резко встала, заряжая атмосферу энергией.

— Так, шлюхай сюда. Ты не просто идешь. Ты идешь со мной и с полным роллбэком на прошлую локацию. Это будет не просьба, а ультиматум. Либо он тебя отправляет обратно, либо мы запускаем челлендж.

— Какой ещё челлендж? Что мы реально сможем ему противопоставить?

— Бро, это же элементарно! — Маринка выпалила со скоростью рапиры. — Снимаем всё! Если он отказывается — делаем вид, что запускаем прямой эфир с названием «Разоблачение магического кринжа». Пусть все увидят, как этот эндгеймный босс тебя туда закинул и бросил на произвол судьбы. Это же чистый детектед!

Она сделала паузу, чтобы посмотреть на мою сомневающуюся реакцию.

— Не прокатит, он не такой лох, — усомнился я. — Этим

его не возьмёшь. Поймёт, что мы блефуем.

— А вот и нет! — её глаза блеснули. — У него же ноль-инфа о твоих реальных способностях. Для него ты всё ещё неизвестная величина. Главное — держать лицо и не показывать, что ты почти в ауте. Просто стой с банкой в шарике и смотри за жизнь. Остальное — моя работа.

Маринка засунула руку в какую-то щель и вытащила вполне ухоженный пистолет незнакомой марки. Впрочем, я вообще мало понимал в здешнем оружии. Когда жил в Москве, у меня находились совсем иные занятия и интересы.

— Откуда у тебя эта штука? — удивился я.

— Зуля его тут прячет. Просила не трогать, но сказала, если будет полный аут, можно юзать. По-моему, сейчас как раз такой момент.

— Нафига ей ствол?

— Ну, типа, Зуля одна живет. Мало ли какой кринж может приключиться. Баба она молодая, красивая, боялась, что её оттрахают без согласия. Вот и завела себе. У неё даже разрешение есть, прикинь? Она же в каких-то там структурах работает. Вот и в Китай поехала типа опытом меняться.

— Это же совсем другое дело, — выдохнул я, рассматривая ствол. — Но ты раньше абсолютно не разбиралась в оружии.

— Не гони, — отмахнулась Маринка. — Зуля меня обучила основам. Тут нет ничего такого. Направил и нажал на спуск. Чистая механика, как в кликере. С трех шагов попаду.

Главное — фейсом зря не сверкать, а то заскамят по полной. Надеюсь, до этого не дойдет.

— А если Кижевский окажется не один?

— Тогда сделаем вид, что мы абсолютные маньяки, — её глаза загорелись азартом. — Пусть думают, что у нас полный челлендж. Иногда нужно делать ход конём и поставить улытку.

Глава 6. А теперь

— А теперь расскажите, как молодой детектив Юго-Западного домена Тим Григ убедил своего прежнего начальника, некогда забросившего его в наш мир, сделать это вторично. Как Тим, обладавший лишь рабочими кистевыми имплантатами, убедил его вернуть его туда, откуда его каким-то образом недавно выдернули.

Меня допрашивал чиновник службы миграции. Человек, не робот. Конечно, имплантов в нём тоже хватало, но в Городе всегда так. То была уже третья моя исповедь.

— Я же вроде как всё уже рассказал, — пожал я плечами.

— Вот именно что «вроде как». Кратко и конспективно. Жаль, нейрозаписи у вас там не осуществлялись. Проще было бы и вам, и мне.

— Хорошо, сэр. Как вы уже знаете, меня сюда забросил Игнатий Рустамович Кижевский, мой бывший начальник, а ныне — генеральный директор корпорации «Рескрипт Консалтинг». Он когда-то в качестве служебного задания забросил меня сюда, а потом, по своим соображениям, вернул назад и потребовал отчёта. Его задание я тут проигнорировал. Отчитаться мне было нечем. Тогда он привёл какого-то скверного типа, похожего на профессионального убийцу. У нас похожих для допросов террористов используют. Ну, я от них и сбежал. Кроме того, довольно быстро ощутил, что

мне тесно в той реальности. Мне теперь необходимы мои импланты и тот самый цифровой адреналин.

События развивались таким образом.

«Он не станет это делать просто так», — сказала Маринка, перебирая затвор служебного пистолета своей подруги.

«Поэтому станем блефовать и не будем его просить, — ответил я и сжал кулаки. Искусственные сухожилия натянулись с тихим шепотом. — Мы его убедим».

Офис Кижевского находился на высоком этаже одной из башен «Москва-Сити» — делового центра нашей столицы. Добраться туда оказалось квестом на выживание. Системы безопасности, кибернетические охранники, сканеры. Но я хорошо помнил лазейки, которые когда-то здесь подсмотрел. Как бы ещё мне удавалось сбегать в рабочее время? За прошедшие годы много чего изменилось, но лазейки остались.

Мы ворвались в кабинет не как диверсанты, а как хулиганы. Дверь в офис оказалась не заперта.

Кижевский сидел за монолитным столом и что-то читал. Он ничуть не удивился. Игнатий Рустамович выглядел именно так, как и должен выглядеть хозяин мира — дорогой костюм, седые пряди в чёрных волосах, холодные, всевидящие глаза.

«Григоров, — произнёс он без тени эмоций. — Тимур Григоров. Я тебя уволил. Ты что, пришёл за рекомендацией?»

«Я пришёл за билетом назад», — скрипуче сказал я. Ка-

жется, мой голос звучал как чужой.

Кижевский усмехнулся. Сухо, беззвучно.

«Ностальгия? К тому миру страха и хаоса? Я дал тебе шанс вернуться к нормальному существованию».

«Вы выдернули меня из моей жизни! — взорвался я. — Я там на своём месте. А здесь... здесь я никто. С этими смертельными игрушками вместо рук».

Я с силой ударил кулаком по краю стола. Прозрачный ударопрочный пластик даже не треснул, но глухой звук прокатился по кабинету. Импланты взвыли от перегрузки. В этот момент из тени вышел охранник. Два метра костей и мяса. В руках он держал угрожающего вида оружие. Не то тазер, не то мазер.

Маринка не стала ждать. Выстрелила без предупреждения. Пуля её пистолета ударила прямо в пушку охранника. Искры, дым. Монстр замер, его схемы поведения оказались повреждены.

«Следующая — вам в голову», — холодно сказала Маринка, не опуская пистолет.

Хозяин кабинета медленно поднял руку, и охранник застыл.

«Драматично, — заметил Кижевский. — Но бессмысленно. Даже если ты меня убьёшь, обратно ты не попадёшь. Порталы закрыты. Проект свёрнут».

«Вы лжёте, — тихо сказал я и шагнул к столу. — Вы всегда лжёте. Вы не могли уничтожить такую классную игрушку.

Вы её или усовершенствовали, или оставили как есть. И я знаю, что вы единственный, кто может снова отправить меня назад. На этот раз навсегда».

«И что ты предложишь взамен? — Кижевский откинулся в кресле. — Свою верную службу? Слишком банально».

«Нет, — ухмыльнулся я, вспомнив того, другого себя. — Я предложу то, чего у вас там нет. Я там работал в службе безопасности. Я знаю каждую щель в их защите. Я могу сломать их системы. Не воровать данные, а стирать и делать так, будто их никогда и не было. Я стану вашим аватаром в том мире. А вы — моим демиургом здесь».

Глаза Кижевского блеснули. Не гневом, а интересом. Жаждой. Он смотрел на меня и видел уже не бывшего подчинённого, а оружие. Совершенное, беспощадное и мотивированное.

«Ты изменился, Григоров», — медленно проговорил он.

«Решайте, — выдавил я. Мои импланты горели, предупреждая о перегреве. Рука, которой я ударил по столу, онемела. — Или ваш охранник сегодня вечером будет чистить стволы от моего мозга, а Маринка устроит тут стрельбу до последнего патрона. Или вы получаете целый мир».

Кижевский помолчал, глядя на струйку дыма, поднимающуюся от тазера его охранника. Потом его пальцы провели по клавиатуре, вызывая новое изображение на мониторе.

«Ты прав, Григоров, — тихо сказал он. — Я не уничтожил портал. Сделал переход более стабильным. Постоянным».

Он встал и подошёл к стене, которая мгновенно стала матовой, а затем превратилась в чистейшую тьму, мерцающую изнутри зелено-синими сполохами. Оттуда запахло свободой.

«Ну, что ж. Иди, — Кижевский сделал широкий жест. — Твоё предложение меня заинтересовало».

Я обернулся к Маринке. Та кивнула, всё ещё не опуская пистолет. Её глаза говорили: «Давай. Я прикрою».

Я шагнул в черноту. Холод пронзил до костей. Я снова слышал шёпот данных, видел сквозь стены, чувствовал стальные мускулы своих настоящих имплантов. Я дома.

Переход не стал, как в первый раз, незаметным погружением. Это получился резкий, болезненный разрыв. Словно меня выдернули из одного тела и впихнули в другое, пока оба оставались живы. Свет — не тот, приглушённый и безопасный из кабинета Кижевского, а ядовито-неоновый, режущий сетчатку. Звук — оглушительный гул мегаполиса, где сирены машин сливались с воем уличных рейвов и непрерывным потоком машинного шита, льющегося с рекламных голограмм.

Я рухнул на колени, и меня вырвало на заляпанную мостовую. Я дышал, и каждый вздох делал полной грудью. Я сжал кулаки, и это было иное ощущение. Не тихий шёпот сертифицированных сервоприводов, а низкочастотный гул готовности к бою. Под кожей запястий заструились золотые нити проводников, а в висках зазвенел знакомый, пьянящий

гул Сети.

Прямо надо мной, перекрывая фасад небоскрёба, сияла гигантская голограмма полуобнажённой девушки-синтетика. Рекламировался новый вид легального наркотика-прошивки. Где-то на уровне тридцатого этажа пролетала платформа с вооружёнными людьми в полицейской форме.

Я оказался почти на окраине Ржавого пояса. Ну а дальше вы и так знаете.

— Хорошо, идите. Поговорите с Крейтоном, он расскажет, что случилось без вас.

На этом чиновник службы миграции меня отпустил. Настал черёд патрона.

Алекс Крейтон, которого я по старой памяти называл «патрон», долго и с интересом разглядывал меня в боксе медицинского центра администрации Юго-Западного домена, куда я в результате угодил. Сколько раз меня тут лечили — уж и со счёта сбился. Ничего, вроде, пока бегаю.

— Тебя что, на историческую родину потянуло? — наконец спросил он.

— Да не то чтобы. Меня, собственно, никто и не спрашивал. Мигнуть не успел, как там оказался. Вот поверите, я действительно рад, что удалось вернуться сюда. Мне здесь лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.